

ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

№4(23)/2001

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРА ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

ИЗДАНИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ (СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ №77-
1272 ОТ 30.11.1999 Г.).

Главный
редактор
Е. Павлова

Зам. главного редактора

А. Щербаков

Общественная редколлегия:

А. Зименко

М. Кулешова

К. Роговин

А. Сирин

Г. Титова

Е. Шварц

Ф. Штильмарк

Макет, дизайн:

К. Остольский

А. Назарова

Верстка

А. Назаровой

Корректор

Е. Тарариева

Распространяется бесплатно
по предварительной заявке (укажите
точный адрес)

Адрес ЦОДП:

117312, Москва, ул. Вавилова, д. 41,
офис 2.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов

Выпускается при поддержке фонда
Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров

© В. М. Смирин (наследники), картина на обложке, 2001

© В. М. Смирин (наследники), рисунки, 2001

© Центр охраны дикой природы, 2001

© В. А. Горбатов, рисунки, 2001

Фото на 2-й стр. обложки В. Черногола, Н. Шпиленок, Г. Хахина, из архива

Е. В. Зубчаниновой

Фото на 3-й стр. обложки И. Шпиленок

«НУ, ТАК ЧТО ЖЕ
РАССКАЗАТЬ О ЗИМЕ?»

Осенью европейские экологи одержали очередную победу: 30 октября вступила в силу Орхусская конвенция. Теперь любой гражданин, исследователь, журналист, представитель общественного движения и промышленности имеют право получать в государственных структурах экологическую информацию, могут на законных основаниях вносить свой вклад в принятие решений (связанных с экологическими проблемами) и имеют доступ к юридической защите по вопросам охраны окружающей среды. Из бывшего СССР только Россия и Узбекистан не ратифицировали этот документ (подробнее о конвенции см. «Охрана дикой природы», № 4(15)/99).

А у нас очередную победу одержала зима. Кружат белые мухи. И, честно говоря, хочется забыть на время про конвенции и форумы, министерства и фонды, презентации и семинары... И про отчеты по грантам... А думать о том, как падает снег от неосторожного движения с согнутой еловой лапы, как несутся лисьи следы по сверкающему снежному полю, как слишком жарко вблизи от хорошего костра, а отодвинешься — спина стынет. А еще дрова, печка, лыжи, рюкзак, котелок — ключевые слова приходят на ум — и они общие для нас всех! Будьте счастливы! Пусть у Вас будет хороший праздник! Давайте в этот Новый Год подумаем друг о друге, и пусть от этого нам станет еще лучше! Вспомним, как в детстве без лыж, по пояс в снегу, лазили по лесу, наблюдали за синичьими стаями, ездили в промерзших электричках... Каждому из нас есть что вспомнить о своей зиме за общим столом.

О том же, что случилось с нашим общим делом за последнее время, — поговорим в следующем году.

С Новым Годом!

Екатерина Павлова

НОВОГОДНИЕ ГОСТИ В РОССИИ

В. Кириллюк,
Государственный природный биосферный заповедник «Даурский»,

А. Луцкекина,
Институт проблем экологии и эволюции РАН

Из трех видов рода *Procapra*, сформировавшегося в Центральной Азии, только монгольский дзерен (*P. gutturosa*) пока еще относительно многочислен, в то время как два других вида (*P. picticaudata* и *P. przewalskii*), обитающие в настоящее время лишь на территории Китая, крайне редки и находятся в угрожаемом состоянии.

Основной ареал монгольского дзерена, или зобатой газели, находится на территории Восточной Монголии. В России всегда держалось немного дзеренов, но и в прошлом, особенно зимой, отмечались забеги сотенных и даже тысячных стад этих животных (Колосов, 1939). Сегодня в Восточном Забайкалье в пределах государственного биосферного заповедника «Даурский» существует небольшая размножающая группировка, численность которой по годам колеблется от 25 до 80 особей. Она является частью оседлой популяции, занимающей левобережье р. Удзы в сопредельном районе Монголии. В последние годы, начиная с 1993, многотысячные скопления животных почти каждую зиму, перемещаясь, достигали Забайкалья (на участке от Торейских озер до стыка российско-монгольско-китайской границы), а последние 5 лет массовые миграции дзеренов усилились. Суровые условия Монгольской зимы 2000—2001 года заставили газелей преодолевать линии инженерно-технических сооружений на границе с Россией. Колючая проволока, разделяющая два дружественных государства, стала последним препятствием в жизни многих отважных прыгунов — заграждение в 2,5 метра даже для них оказалось слишком высоким. Животные стали висеть на проволоке и гибнуть. Более 3000 пало жертвой «дружбы», скрепленной колючей проволокой. Усугубляла трагедию давка, возникшая из-за подпирающих сзади животных. Некоторым все же удавалось преодолеть эту преграду, тысячи газелей обошли ее, но в России их уже ждали браконьеры...

В первых числах января началась метель, в последующие дни снег выпадал еще несколько раз. Глубина снежного покрова превысила 10 см и подтолкнула стада дзеренов к инстинктивному быстрому перемещению с территории Монголии. Группировка, оказавшаяся в Торейской котловине, будучи уже вблизи России, тут же перешла государственную границу. В выборе направления миграции свою роль сыграли, по-видимому, опыт предшествующего года и инстинкт, влекущий животных по миграционным путям пред-

ков. Всего в пределы России зимой 2000—2001 гг. зашли от 45 до 70 тысяч дзеренов, в том числе в обход ИТС и сквозь специально открытые ворота в заграждении (в Забайкальском районе) — 19—26 тысяч. Так, в Кыринский район (по информации Е. Э. Малкова и В. И. Яшнова) проникли 800—1500 животных.

Миграционная активность дзеренов в начале января 2001 г. была столь высокой, что головные стада зашли далеко вглубь российской территории. При этом часть из них миновали районы с относительно

неглубоким снегом (12—13 см) и проникли в зону со снежным покровом высотой 20—24 см, а в некоторых местах (Цасучейский бор) — до 30 см. Несколько стад прошли сквозь Цасучейский сосновый бор шириной 15—20 км.

К концу января перемещения стад в основном закончились. Только вдоль линии инженерных сооружений к востоку от Торейских озер множество дзеренов продолжали перемещаться вдоль заграждений в поисках проходов. Высокая скученность и непреодолимые препятствия вынудили несколько

тысяч особей в первых числах февраля пройти вдоль границы с Китаем на восток прямо через железнодорожную станцию и международный автомобильный переход в пос. Забайкальск.

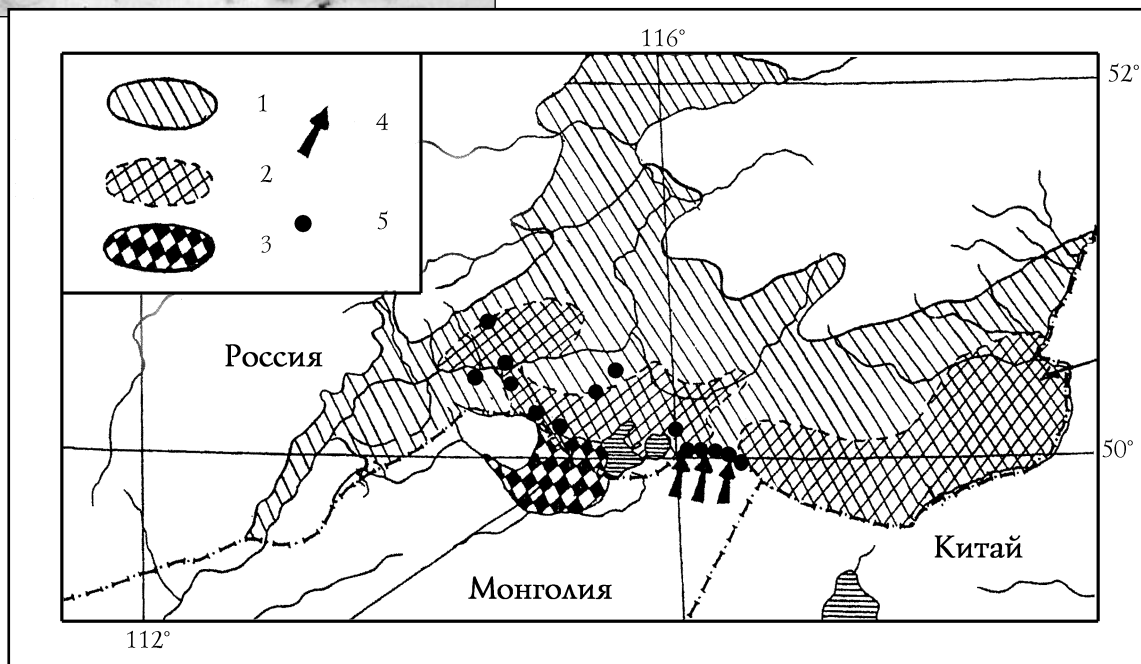

тренного обследования в середине января следы охоты и добычи дзеренов мы встречали почти везде, где прошли или находились их стада. Ситуация усугублялась отсутствием денег на горючее у Читинского охотуправления и заповедника.

Парадоксально, но некоторые местные чиновники высказывали сомнения в массовости захода дзеренов. Еще более активно они отрицали их массовое истребление. Начальник экологической службы Управления природных ресурсов А. П. Островский в интервью газете «Забайкальский рабо-

чий» (№№64–65 от 30 марта 2001 г.) говорил, что ни один из случаев браконьерства на дзеренов не подтвердился. Почему замалчивают правду люди, уполномоченные решать природоохранные проблемы? Ведь к этому моменту уже было вскрыто более десяти фактов задержания нарушителей.

Свидетельств кровавого побоища предостаточно. По понятным причинам вскрываются лишь несколько процентов случаев браконьерства. Тем не менее, с добычей пойманы 13 человек. Кроме этого задержан командир одной из застав, ехавший со «стрельбищ» на автомашине ГАЗ-66, в кузове которой на 10 окровавленных тушах дзеренов сидели солдаты. Задержаны и сотрудники милиции с мясом

Монгольский дзерен в Забайкалье:

- 1 — распространение в XVIII—XIX вв.;
- 2 — места размножения в XVIII—XIX вв.;
- 3 — современная территория локальной популяции;
- 4 — основные пути миграций;
- 5 — места концентрации дзеренов

Их истребление началось почти сразу же. Информация о массовом браконьерстве поступала не только от охотнадзора, но и от местных жителей. Во время первого экс-

4 дзеренов. Почти по всем фактам возбуждены уголовные дела, большинство браконьеров наказаны — оплатили большие иски, часть были осуждены. Множество следов добычи (пятна крови в местах отстрела и погрузки в машину) и трупов с огнестрельными ранениями запечатлены на фотографиях. Многие местные жители, не стесняясь видеокамеры, говорили об увиденной ими кровавой «охоте». Из осмотренных нами преимущественно в охранной зоне заповедника павших особей каждая четвертая погибла от огнестрельных ран. А ведь трупов на нашей территории осталось лежать более 5 тысяч.

Мы осознавали степень угрозы на нашей территории доверчивым и ослабевшим животным. Трудно оценить общий урон, нанесенный браконьерами. Если вблизи границы в Ононском и Борзинском районах к началу февраля массовое браконьерство общими усилиями было погашено, то животные, ушедшие далеко вглубь области (а их не менее 2—3 тысяч), в большинстве своем были уничтожены. Продолжалась целенаправленная охота за антилопами весной и летом, правда, значительно менее результативная. Всего в России, по нашей оценке, погибло от истощения, браконьерства и по другим причинам около 9—12 тысяч дзеренов. Общий урон популяции, обитающей к северу от Керулена, от падежа (в Монголии и России) и браконьерства (в том числе в Китае) мы сможем оценить при сопоставлении данных учетов до и после роковой зимы. Но и сейчас можно с уверенностью сказать, что прошедшая зима унесла около 90—100 тысяч особей или 40—45% численности популяции! Даже сравнительно удачное размножение не смогло покрыть эти потери.

Начавшаяся бойня побудила одного из авторов обратиться с призывом о помощи к природоохранным организациям и фондам. Кто-то из коллег распространил обращение в Интернете. В целом информационная поддержка друзей

была очень мощной. Трудно перечислить всех, кому мы должны выказать свою признательность, и поэтому решили обратиться через журнал со словами благодарности ко всем, кто принял участие в спасении дзерена. Спасибо вам всем!

Первым откликнулся Международный фонд защиты животных. Может быть, это был рекорд прохождения заявки: от первого телефонного разговора с руководителем российского представительства фонда М. Н. Воронцовой до перечисления денег (56 тыс. рублей) прошло двое суток. Именно эти деньги подоспели в самый острый момент. Оперативно откликнулись ВВФ и Гринпис России. Они приехали на место (представители ВВФ вместе с корреспондентами программы «Время»), отсняли для средств массовой информации сюжеты и передали деньги на бензин и запчасти (40 и 28 тысяч рублей соответственно). Оказали финансовую помощь Центр охраны дикой природы (5 тыс. руб.), Бурятский региональный отдел по Байкалу (1 тыс. руб.) и еще кто-то (3 тыс. руб.) — по платежному поручению невозможно понять кто именно. 1500 долларов выделил из своего бюджета Джордж Шаллер (WCS). В областное охотуправление стали поступать частные пожертвования из разных городов страны (Москва, Тверь, Надым, Ульяновск, Слободск, Магадан, Саратов, Хабаровск, Тула, Санкт-Петербург и др.).

К 20 января проблема была озвучена на всех уровнях. Неоднократно ее освещали местные и центральные средства массовой информации. Глава администрации Читинской области — Р. Ф. Генятулин, оценив должным образом ситуацию, издал постановление по охране дзерена, в котором были даны соответствующие поручения всем правоохранительным и природоохранным службам, региональному управлению погранвойск и управлению ветеринарии.

Наиболее оперативно приняло необходимые меры Читинское охотуправление, в чем большая за-

слуга его начальника — Н. К. Иванова. Располагая самой эффективной и многочисленной службой, они подключили к охране дзеренов охотоведов семи степных районов и четыре оперативных отряда. Один из межрайонных отрядов был создан в конце декабря 2000 г. специально для охраны дзерена. Именно этот отряд, состоящий из наиболее опытных бывших инспекторов заповедника «Даурский», совместно с охотоведом Ононского района задержал наибольшее число браконьеров.

Заповедник «Даурский», которому из областного экологического фонда на охрану дзерена было выделено 50 тыс. рублей, с некоторой задержкой обеспечил более или менее эффективную, а главное — регулярную охрану своей территории. К сожалению, лишь недавно закончилась борьба коллектива с необдуманно назначенным на должность директора случайным человеком, значительно подорвавшая охрану и другие функции на долгий период. В разгар миграции оперативную поддержку охотнадзору и заповеднику оказала экологическая служба Читинского управления природных ресурсов, снарядив для недельного дежурства две группы своих сотрудников.

Не будь финансовой и моральной поддержки и, главное, самоотверженной работы инспекции, урон был бы гораздо больше. Считаем своим долгом назвать имена работников природоохранных служб, огромными усилиями остановивших варварское истребление дзеренов и сумевших поймать с по-

личным немало браконьеров. Следует вспомнить, что зима выдалась очень суровой. Морозы стояли за 40, снежный покров — почти непроходим для «УАЗа». Обычная работа в степи — круглосуточные рейды с регулярной откопкой машин из снега, чередуемые с многочасовыми дежурствами на вершинах сопок в промерзающих насквозь русских джипах.

Охотовед Ононского района А. А. Черепицын и находящийся в его подчинении оперативный межрайонный отряд, возглавляемый старшим инспектором В. М. Жаргальовым, работали, почти не отдыхая, весь «горячий» период. Первые десять дней, узнав, что помощь поступит, они заправляли машину на свои деньги. Когда поломался старенький «уазик» охотоведа, ребята ездили на машине Ононской рыбинспекции. Им удалось поймать 8 браконьеров. Алексей Черепицын, Анатолий Коротких вместе с находившимся в отпуске начальником охраны заповедника «Даурский» Александром Бородиным за-

Ежедневно на охрану дзерена выезжали три машины. Дежуря на дорогах, они общими усилиями задержали и развернули десятки машин с охотниками, ехавшими за легкой добычей. О. Чепизубов совместно с руководителем отдела экологического контроля регионального подразделения МПР А. А. Марковым и Борзинской милицией задержали тот же ГАЗ-66 пограничников, зафиксировали (так же как и другие рейдовые группы) много других случаев браконьерства в погранзоне (за инженерной системой,

никова, инспекторов оперативной группы Сохондинского заповедника, вскрывших факты браконьерства. А сколько было неудачных преследований, многосуточных стационарных дежурств охраны заповедника!

Что же дальше? Останутся ли дзерены в Забайкалье? Мы считаем, что все зависит от нас. Если ничего специально не делать, то вновь утратить эту красивую антилопу на российской территории проще простого. А вот чтобы ее сохранить, нужны ежедневные целе-

Попытки дзеренов «прорваться» через пограничные заграждения.
Фото авторов

направленные усилия. Заграждение на границе не только значительно задержало отход дзеренов в Монголию, но и стало причиной принудительного оседания нескольких сотен особей на российской территории. Кроме этого, в Забайкальских степях естественным образом осталось некоторое количество антилоп. В июне 2001 г. мы в течение пяти дней обследовали территорию в районе заповедника «Даурский» и обнаружили около 250 животных, преимущественно беременных самок. Самую печальную картину мы наблюдали непосредственно вблизи линии ИТС — 126 дзеренов стояли у границы, в прямом смысле слова упершись головами в конючую проволоку, и с тоской смотрели на ту часть своего ареала, где испокон веков они производили потомство. Этот и несколько последующих учетов позволяют нам с уверенностью сказать, что так или иначе на российской территории

держали с добычей милиционеров и автомашину «КАМАЗ», водитель которой давил дзеренов колесами.

Высокую активность и самоотверженность проявил охотовед Борзинского района Олег Чипизубов. Ему удалось подключить к рейдам милицию, общество охотников, общественных инспекторов.

куда въезд любых машин без ведома стражей границы невозможен). Этим они документально подтвердили массовое браконьерство, совершаемое пограничниками.

Нельзя не отметить охотоведа Оловянинского района — А. М. Табакова, старшего инспектора заповедника «Даурский» И. И. Мыль-

находятся более 500—600 газелей, а это на порядок выше, чем в предыдущие годы. Многократно выросла и занятая ими территория. Животные облюбовали ряд постоянных, типичных для вида мест обитания, что облегчает их охрану. Успешно прошел отел. Только в окрестностях заповедника родилось около 150—200 детенышей. Их родина — Забайкалье.

Есть основания полагать, что на нашей территории формируются оседлые группировки, а это более устойчивая, чем мигранты, база для возрождения вида в России. Во что бы то ни стало необходимо добиться сохранения годового прироста или хотя бы исходного поголовья. С этой целью мы держим под контролем или постоянным наблюдением все группировки и группы в заповеднике «Даурский» и его окрестностях. Утомительно долго ждать нового сезона размножения, день за днем — тревога за жизнь каждого из наших дзеренов.

Минувшая трагедия не осталась незамеченной. Наоборот, фонды и природоохранные организации наконец-то увидели проблему. Чтобы сохранить забайкальское поголовье дзерена, на специальные охраняемые мероприятия (бензин, запчасти, продукты питания для инспекции) ежемесячно нужно 30—40 тыс. рублей. И новая помощь уже поступает. Комиссия по крупным травоядным WWF выделила средства на охрану в осенние месяцы. Небольшой срочный грант на такие же цели получен в Green Global Foundation. Кроме этого, крупная заявка, предусматривающая комплексные мероприятия в течение трех лет, одобрена Российским представительством WWF. Этот проект в случае поддержки будет иметь устойчивый долговременный эффект. Мы надеемся изыскать средства для охраны дзерена и в регионе, в том числе на случай новой миграции.

Что можно сделать в создавшейся ситуации на международном уровне? Конечно, для территории России прежде всего необходимо

усиление охраны дзерена (впрочем, и для Китая эта проблема огромна). Для России и Китая дзерен — вид, подлежащий специальной охране, а вот для Монголии он все еще остается охотничьим. Для сохранения и устойчивого использования ресурсов этого уникального обитателя степных экосистем Центральной Азии необходимо безотлагательно разработать международный план действий. Для этого три страны — Китай, Монголия и Россия, на территориях которых этот вид обитал и обитает в настоящее время, — должны согласовать его изучение, охрану и рациональное использование. Этот вопрос уже обсуждался на состоявшейся в Пекине в июле 1996 г. Международной конференции по степным экосистемам. Было решено обратиться в соответствующие государственные природоохранные организации с предложением о создании сети особо охраняемых природных территорий (заповедников, заказников) на территории каждой из стран и в пограничных районах. Здесь необходимо отметить, что первый такой трехсторонний международный заповедник, куда входит и «Даурский», уже был создан в 1994 г. В Восточной Монголии в последние годы создана сеть охраняемых территорий и на состоявшейся в августе 1997 г. в Улан-Баторе Международной конференции по сети биосферных заповедников Восточно-Азиатского региона обсуждался вопрос о создании новых пограничных монголо-китайских заповедников и заказников. Кроме этого, крайне важно наладить рациональное ведение охотничье-промыслового хозяйства, не подрывающего численность. А в будущем (в случае достижения промысловой численности в России и Китае) — согласовать выделение научно обоснованных квот отстрела для каждой из стран. В связи с этим целесообразно специалистам трех стран объединить свои усилия и: 1) продолжить изучение основных черт экологии дзерена в разные сезоны года, 2) составить карты пространственно-временного

размещения основных популяций, 3) уточнить современные пути миграций, 4) выявить районы с различной степенью благоприятствования среды для обитания дзерена и установить факторы, влияющие на динамику его численности, 5) провести генетические исследования для определения жизнеспособности различных популяций, 6) выяснить эпизоотологическую роль дзерена и возможности обмена патогенами с домашними животными. Целесообразно регулярное (в летне-осенний и осенне-зимний периоды) проведение наземных, а также авиавизуальных учетов на всем протяжении ареала с применением аэрофотосъемки в местах концентрации стад. В дальнейшем необходимо создание постоянно действующей международной службы учета численности дзерена, которая проводила бы по единым методикам ежегодный мониторинг численности, размещения, уровня воспроизводства и других важных составляющих. Кроме того, крайне важно продолжение работ по мечению дзеренов радиоошейниками с целью выяснения путей и скорости миграции, а также мест пересечения государственных границ, осуществляемых в рамках «Проекта сохранения биоразнообразия степей Восточной Монголии» (UNDP/GEF/Правительство Монголии). Огромное значение для восстановления вида в России (и Китае) будет иметь создание экспериментальных питомников и ферм для разведения и пополнения вольного поголовья дзерена.

Что нам готовит будущая зима? В сентябре — начале осенней миграции, дзерены из глубин Монголии двигались к российской границе быстрее обычного. Мы ежедневно выезжаем в Монголию и фиксируем перемещения стад и животных с радиопередатчиками. Более подготовленные, но все же с тревогой мы ожидаем, что животные, идущие по миграционным путям предков, в этом году вновь пересекут установленную людьми границу. Как мы их встретим?

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ!

С. Шилова,
ИПЭЭ РАН им. А. С. Северцова

Нам посчастливилось жить в эпоху, когда интерес к охране окружающей среды становится общемировой проблемой, захватывая самые разнообразные формы человеческой деятельности. Среди многочисленных вопросов этого направления особый интерес сконцентрирован на сохранении биологического разнообразия животных, в том числе различного вида млекопитающих. В последние двадцать лет этот интерес стал проявляться не только к сохранению крупных и редких видов, но и коснулся группы мелких и, казалось бы, многочисленных млекопитающих, в том числе грызунов.

С 1980 г. при МСОП и Комиссии по сохранению видов работает специальная группа по грызунам. Выделено тринадцать регионов, которые характеризуют особенности состояния численности грызунов, нуждающихся в охране в различных регионах мира; публикуются списки видов, состояние которых вызывает опасение (Lidicker, 1989; Taylor, 1994; Red List, 1966—2000 и т.д.). Очень важно, что помимо редких грызунов, традиционно нуждающихся в охране, внимание исследователей стали привлекать более обычные и массовые виды — тушканчики, песчанки, полевки, мыши. Такой подход к проблемам сохранения окружающей среды, без сомнения, наиболее перспективен, поскольку в его основе лежит принцип устойчивости экосистемы за счет сохранения всех ее компонентов.

Параллельно с успехами охраны различных видов грызунов в эти же годы во всем мире продолжает успешно совершенствоваться система борьбы с многими видами — носителями инфекций или вредителями сельского хозяйства. Подчас успехи в этом направлении носят устрашающий характер: во мно-

гих странах мира внедрены в практику и разрешены к применению десятки современных высокоточных родентицидов; для уничтожения грызунов широко использовалась современная техника — самолеты и вертолеты специальных конструкций, ультразвуковые установки и т.д.; площади, обработанные ядами, достигали сотен миллионов гектаров; во многих странах действуют специальные правительственные программы по борьбе с грызунами, а дератизацию проводят сотни тысяч специальных учреждений (Шилова, 1993).

С позиций защиты окружающей среды возникает естественный вопрос: насколько вообще необходимы любые способы снижения численности грызунов в современных условиях? К сожалению, несмотря на важнейшие задачи сохранения биологического разнообразия сейчас полный отказ от снижения численности отдельных видов животных, населяющих планету, вряд ли возможен. Так, по данным ВОЗ, грызуны уничтожают ежегодно 33 млн. тонн кормов, что могло бы обеспечить питание 130 млн. человек (Meehan, 1984). «Мышиные напасти» в Австралии приносят ущерб на 108 млн. долл. в год (Arnaud et al., 1995). В помещениях и на складах серые крысы уничтожают ежегодно 210 тысяч тонн доброкачественных продуктов и т.д. Среди млекопитающих грызуны имеют наибольшее эпидемиологическое значение: из 30 наиболее распространенных зоонозов у 28 основными носителями являются грызуны (Кучерук, 1977). Хорошо известно, что подчас сохранить урожай или предотвратить заболеваемость можно лишь уничтожив отдельные популяции грызунов.

Таким образом, сейчас крайне необходимо найти компромисс между проблемами сохранения био-

логического разнообразия и контролем численности отдельных «проблемных» видов животных. Нам кажется, что одним из важнейших направлений этих исследований может быть координация сведений о целенаправленном уничтожении некоторых животных и определение их статуса в природоохранном аспекте. Насколько нам известно, такой анализ проводится очень редко. Лишь Дж. Винтергерст (Wintergerst, 1994) попытался продемонстрировать такой подход на модели хищников. Автор показал, что некоторые звери (волк, американская норка) могут одновременно попасть и в списки охраняемых видов, и подлежать уничтожению. Некоторые предварительные данные по этому вопросу мы получили ранее (Shilova, 1995). При анализе материалов по грызунам выяснилось, что в некоторых случаях охрана или целенаправленное истребление касаются близкородственных симпатрических видов, иногда одного и того же вида в разных частях ареала или даже в одних и тех же географических точках.

Приведем некоторые примеры охраны грызунов в различных регионах или борьбы с ними. Наиболее актуальны для нас сведения о грызунах в государствах СНГ и Европы. Видовой состав грызунов, относящихся к той или иной группе риска, в последнее десятилетие для Европы опубликовал З. Пуцек (Pucek, 1989). Нам важно отметить, что в него включены некоторые популяции обыкновенного хомяка (*Cricetus cricetus*), полевки-экономки (*Microtus oeconomus*) и даже черной крысы (*Rattus rattus*), т.е. видов, уничтожение которых до последнего времени проводится очень широко. Наибольшие дискуссии вызывает ситуация с черной крысой. По данным автора (Pucek,

В лесу, в степи...

1989), особой охраны заслуживают северные популяции этого вида. Она уже исчезла из Норвегии, Швеции и Финляндии, угрожаема в Бельгии, Дании, Великобритании, подвержена риску в Германии, Испании, Люксембурге, Нидерландах. Такое сокращение ареала позволило отнести ее к наиболее угрожаемым из 10 видов грызунов Европы.

В то же время известны огромное эпидемиологическое значение черной крысы в очагах чумы в той же Европе, тенденция к быстрому распространению и грандиозный экономический ущерб от этого вида, в особенности на морских судах. Видимо, эти достаточно убедительные и тревожные сведения привели к тому, что в настоящее время черная крыса не числится в официальных списках животных, подлежащих охране (Red List, 1996–2000).

До сих пор во всей Европе, в том числе в России и странах СНГ, черная крыса является важнейшим объектом систематической дератизации в портах, на кораблях и в населенных пунктах. Более высокая чувствительность к фторорганическим соединениям провоцирует применение этих крайне токсичных ядов в местах концентрации черных крыс.

Несмотря на то что состояние северных популяций полевки-экономки вызывает опасение (Pucek, 1989), борьба с этими зверьками ведется достаточно интенсивно, поскольку они повреждают садовые культуры и участвуют в эпизоотиях безжелтушного лептоспироза.

На территории бывшего СССР В. Н. Орлов (Orlov, 1989) к редким видам относит некоторых домовых мышей — *Mus domesticus* и *M. abboti*. Однако именно *M. domesticus* заселяет южные районы Кавказа. Против этого вида в строениях ведется интенсивная борьба.

Работая в Дагестане вместе с санэпидслужбой, мы получили данные, что в эти же годы борьбу с домовыми мышью здесь проводили 40 районных отделов профдезинфек-

ции на площади в 11 млн. кв. м при кратности обработок до 24 раз в год.

В этой же публикации В. Н. Орлов относит к категории редких видов монгольскую песчанку (*Meriones unguiculatus*). Однако способы борьбы с этим видом интенсивно разрабатывались в природных очагах чумы в Центральной Азии.

В списки видов, требующих охраны на территории бывшего СССР, В. Н. Орлов включает горного суслика *Citellus (Spermophilus) musicus* (Орлов, 1989). Но именно против этого вида на Кавказе разрабатываются и апробируются специальные способы борьбы в природных очагах чумы.

Важно определить судьбу крапчатого суслика (*Spermophilus suslicus*). Этот интересный зверек считается серьезным вредителем сельскохозяйственных культур, и с конца 60-х гг. его интенсивно истребляли с помощью остродействующих ядов. В результате истребления и распахки естественных мест обитания его численность сильно сократилась. Сейчас он внесен в Красную книгу МСОП (2000), а также в Красную книгу Московской области (1998), где сохранились лишь мозаичные локальные поселения этого зверька. Этот факт вызвал сопротивление работников сельскохозяйственных служб (Кузьмин и др., 1998; Лобков, 1999), которые мотивируют свои соображения тем, что, размножившись, этот вид будет приносить большой вред сельскохозяйственным культурам. Трудно оправдать такие высказывания. Создание условий для выживания одного из интереснейших аборигенов европейской фауны даже вопреки некоторым прикладным задачам больше соответствует духу нашего времени.

Противоречия в проблеме «охрана — истребление» грызунов помимо Европы встречается и в других регионах. Так, в Юго-Восточной Азии в агроценозах и при эпизоотиях чумы постоянно истребляют 15 видов крыс рода *Rattus* и мышей рода *Mus*. Одним из основных

вредителей риса и носителей возбудителя чумы здесь являются полинезийская и черная крысы (*R. exulans*, *R. rattus*). Проводятся массированные однократные обработки фосфидом цинка в Сайгоне и других городах. Особенно они практикуются в сельских населенных пунктах Вьетнама и Кампучии при возникновении чумы среди людей. Такие вспышки и сейчас отмечают почти ежегодно.

Но по данным Ванг-Сунг (Wang Sung, 1989) и Иллар Мул (Muul, 1989), во Вьетнаме, Китае и Японии к видам риска отнесены 8 видов мышей и крыс. Именно здесь охраняется *Rattus exulans*, которая является основным объектом истребления в прилегающих более южных районах. В Китае и Японии к категории редких отнесена водяная полевка *Arvicola terrestris*. Этот вид внесен также в число редких и в Сирии и Палестине (Nader, 1989). В то же время именно водяная полевка в Европе и Азии является важнейшим объектом уничтожения. Особенно во Франции против нее применяются новые высокотоксичные родентициды — бромодиолон и др. и газация нор фосфидом алюминия. В Западной Сибири водяную полевку на протяжении многих лет уничтожали глифтором и фосфидом цинка, ежегодно обрабатывая с помощью авиации площади до 100 тысяч гектаров (Шилова, 1993).

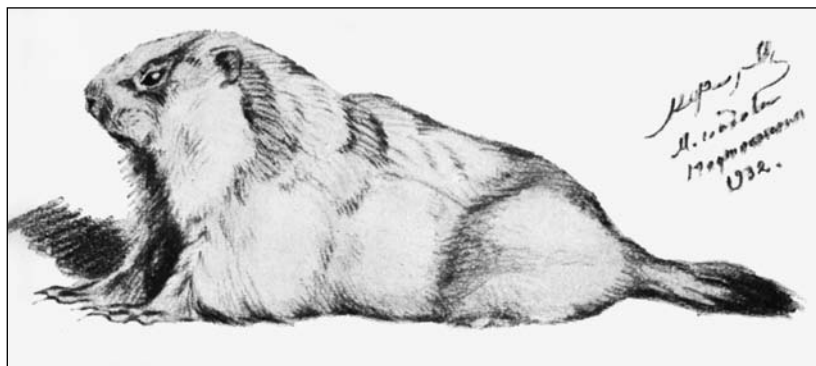
Среди африканских грызунов в Красную книгу МСОП (2000) занесены некоторые виды многососковых крыс, в том числе *Praomys morio* и *Mastomys pernanus*. И здесь же ведется интенсивная борьба с близкородственными видами, в основном с *Mastomys natalensis*, которая живет в сходных биотопах. Обработки против этого вида проводились на площади в 327 тысяч гектаров (Vagge, 1978).

Еще более интересна судьба африканского тушканчика *Allactaga tetradactyla*, населяющего глинистые пустыни Египта и Ливии. С середины 60-х гг. отмечается сокращение его численности в пустынях Западного Египта (Schlitter, 1989).

Сейчас он внесен в Красную книгу МСОП (1996—2000). В эти же годы Пош (Poche, 1981) описывает вред, который этот вид причиняет агрокультурам, и способы его уничтожения.

В Северной Америке для нас представляет интерес группа наземных беличьих, особенно сусликов (роды *Spermophilus*, *Ammospermophilus*) и луговых собачек (род *Synomys*). Поскольку многие представители грызунов на протяжении 70 лет поддерживают эпизоотию чумы, со многими видами идет интенсивная борьба по специальной правительственной программе. Применяются остродействующие родентициды: стрихнин, цианиды, фосфид цинка и фторацетамид. В последнее время численность луговых собачек неуклонно снижается. С 1990 г. два вида — *S. mexicanus*, *S. parvidens* — занесены в Красную книгу МСОП. Резкое падение численности этих зверьков объясняют массовым истреблением в сочетании с сокращением естественных мест обитания.

Итак, мы попытались продемонстрировать, что параллельно со стремлением сохранить в биосфере планетой самые разнообразные, порой еще многочисленные виды грызунов успешно развивается и совершенствуется система уничтожения определенных видов вредителей. Скорее всего такую противоречивую ситуацию можно наблюдать не только на примере грызунов, но, возможно, — многих других организмов. Обсуждение опасности или достоинств современных способов контроля численности грызунов не входит в наши задачи. Можно только напомнить, что единственным надежным способом снижения численности грызунов, которые представляют реальную эпидемиологическую или хозяйственную угрозу, может быть изменение среды их обитания без использования высокотоксичных химических средств. В этом направлении сейчас достаточно успешно работают многие коллективы в различных странах (Wang Zuwang et al., China; Rodent Control Centre,

Длиннохвостый сурок (*Marmota caudata* G.) Рис. К. К. Флерова

Morogoro, Tanzania; Central-Arid Zone Reserch Institute, India и др.).

В наше время вопросы прямого уничтожения некоторых (даже крайне опасных для человека) видов живых организмов могут решаться лишь с позиций общих принципов сохранения природных экосистем. Хочется целиком присоединиться к высказыванию Джона Мак Нью (1977), которое звучит так: «Суровая реальность положения в том, что мы вынуждены сотрудничать с вредными организмами... мы и они — это часть гигантской экосистемы, и человек просто пытается сдвинуть равновесие сил так, чтобы он мог существовать в условиях разумного комфорта и безопасности».

Можно вспомнить, например, что за тысячелетие до нашей эры крупные хищники приносили огромный вред и их уничтожение приравнивалось к военным успехам. По описаниям И. Г. Пидопличко, ассирийский царь Тиглат-Фелласар I в XII веке до н.э. считал своим блестящим воинским успехом добычу 920 львов (Пидопличко, 1951). Не исключено, что гораздо раньше, чем через три тысячи лет, наши потомки будут с сожалением читать, что один из крупных современных ученых для изучения экологии серой крысы вскрыл полтора миллиона этих зверьков (Траханов и др., 1973).

ЛИТЕРАТУРА:

Красная книга Московской области (ред. В. А. Зубакин, В. Н. Тихомиров). М.: Аргус, 1998.

Кузьмин С. Н., Павлов Д. С., Степанян Л. С., Рожнов В. В., Мазин Л. Н. Состояние и перспективы развития Красной книги животных Международного Союза охраны природы // Зоол. журн., Т. 77. Вып. 10. С. 1093—1102.

Кугерук В. В. Млекопитающие — носители болезней, опасных для человека // В кн.: Успехи современной териологии, АН СССР. — М.: Наука, 1977. С. 75—92.

Лобков В. А. Крапчатый суслик Северо-Западного Причерноморья (биология, функционирование популяций). — Мин. обр. Украины. Одесса: Астро Принт, 1999. — 270 с. Мак-Нью Дж. (J. L. Vc New). Концепция регулирования численности вредных организмов // В кн.: Стратегия борьбы с вредителями, болезнями растений и сорняками в будущем. Колос, 1977. С. 121—138.

Пидопличко И. Г. О ледниковом периоде. — Киев: Изд-во АН УССР, 1951. Вып. 2. — 264 с.

Траханов Д. Ф. Дератизация на объектах животноводства. Автореф. дис. д-ра с/х наук. — М., 1973. — 34 с.

Шилова С. А. Популяционная экология как основа контроля численности мелких млекопитающих. — М.: Наука, 1993. — 203 с.

Amori G., Taylor J. M. Rodent Specialist Group // Species JUCN dec. 1993—June 1994, № 21—22. p. 87.

Arnaud G., Rodriguez. Agriculture and rodents: an injury relation on the arid region of Baja California Sur, Mexico // Fifth Int. Conf. «Rodents and Spatium», 1995. P. 146. Ed. A. Zaime.

Barre M. H. Control campaign against a rat outbreak in Somalia with special

В лесу, в степи...

- reference to the Shebelli Protection. Ministry of Agriculture 9 p. (mimeo). 1978.
- Meehan A. P.* Rats and mice, their biology and control. Rentokil Ltd. 1984. Printed and bound in Great Britain by Brown Knight. Truscott Ltd. p. 158.
- Nader Y. A.* The status of rodents in the Western Asian Region // *Rodents*. 1989, p. 45–47.
- Orlov V. N.* Rodent of conservation concern in the Soviet Union region // *Rodents*. Occasional papers of the JUCN Survival Commission (SSC) № 4, p. 40–41.
- Poche R. M.* Vertebrate Pest Control in Egypt: status and recommendatio. Trip report Denver Wildlife Research Center . Denver. Colorado. 1981, p. 47.
- Pucek Z.* A preliminary report on the threatened rodents in Europe // *Rodents*. 1989, p. 26–32.
- Red List of Threatened Animals JUCN 1996 Gland Switzerland eds. Baille J. and Groombridge B. — 378 p.
- Red List of Threatened Animals JUCN 2000 ed. Hilton-Taylor C.
- Rodents*. A World Survey of Species of Conservation Concern. Edited by William Z. Lidicker Jr. JUCN/SSC Rodent Specialist Group. 1989.
- Survival Commission (SSC) hold at the Fourth International Theriological Congress. August 17, 1985.
- Schlitter D. A.* African Rodents of Special Cocern: a preliminary assessment // *Rodents*. 1989, p. 33–38.
- Shilova S. A.* Small mammals pests: a revision of traditional pest control system // 2nd European congress of mammology. England. 1995, p. 208.
- Wang Sung, Zheng Changlin, Tsneaki Kobayashi.* A tentative list of threatened rodents in China and Japan with notes on the distribution, habitat and status // *Rodents*, 1989, p. 42–43.
- Wintergerst J.* Espèces protegees – especes nuisibles // *Ethozootechnie*. 1994. № 53, p. 3–8.
- Yllar Muul.* Rodents of conservation concern in the southeast Asian region // *Rodents* 1989, p. 51–52.

Рис. А. Н. Формозова

ВЕРНЕМ ЛИ СТЕРХА В НЕБО?

(О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ БИОТЕХНОЛОГИИ СОХРАНЕНИЯ)

Е. Хабарова, Т. Кашенцева, В. Сидоренко*, И. Кондакова**

Московская государственная академия тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова,

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

**Окский биосферный государственный природный заповедник

Журавли — немногочисленная и одна из наиболее уязвимых групп птиц, насчитывающая всего 15 видов (Ласуков, 1996). Это семейство занимает в списке исчезающих видов одно из первых мест, т.к. половина его (7 видов) уже сейчас включена в Красную книгу Международного союза охраны природы (МСОП).

Общеизвестно, что сокращение численности многих птиц и млекопитающих идет все ускоряющимися темпами. История исчезновения ряда пернатых выглядит сегодня как настоящая трагедия. На птицах менее сказалось прямое преследование человеком, т.е. охота и сбор яиц, чем малозаметные на первый взгляд изменения условий существования — нарушение мест обитания, конкуренция с завезенными видами, сокращение кормовой базы.

К сожалению, этот процесс пока неизбежен, но от нас с вами зависит сохранение если не современного уровня численности представителей животного мира, то хотя бы его видового разнообразия. Памятуя о том, что существование всех многочисленных видов растений и животных — непременное условие выживания человека, нельзя не согласиться с мыслью, что и решаться эта проблема должна в мировом масштабе. Осознание необходимости поддержания в устойчивом состоянии окружающей природной среды уже частично обозначено в Конвенции о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения (1973), и в Конвенции Организации Объединенных Наций о биологическом разнообразии (1992). Эти соглашения обязывают государства, поддержавшие их, сохранять биоразнообразие, обеспечивать его устойчивое развитие и предоставлять честное и справедливое разделение выгод от использования генетических ресурсов. На периодических встречах обновляются списки видов и продуктов животного и растительного происхождения, которые подлежат охране путем введения квот или полных запретов на использование.

В настоящее время существуют 3 основных способа сохранения генетических ресурсов планеты:

- в естественных условиях;
- в искусственных условиях;
- при сохранении генов в законсервированном виде.

Конечно, вариант сохранения видов в естественных условиях — наиболее предпочтительный. Однако если состояние критическое (т.е. не обеспечивается воспроизводство и естественная убыль особей в природе), необходимы специальные усилия по созданию жизнеспособных популяций: разработка методов ис-

Стерх, летящий в группе даурских журавлей

кусственного разведения таких видов в неволе с последующей интродукцией в природу и даже восстановления местообитаний.

У искусственного разведения есть сторонники и противники, ученые еще не пришли к компромиссу, но уже сейчас специалисты приходят к мнению, что необходимо заблаговременно овладевать способом разведения животных в неволе, чтобы затем иметь возможность во всеоружии встречать любые кризисные ситуации (Флинт, 1986).

У нас разговор пойдет о так называемой биотехнологии сохранения, разрабатываемой в питомнике редких видов журавлей Окского заповедника. В 1999 году питомник отметил свой 20-летний юбилей. Вехи истории таковы.

В 1972 г. между Россией и США было подписано двухстороннее Соглашение о сотрудничестве в области охраны некоторых представителей животного мира, в том числе стерха (в то время представители этого вида журавлей в зоопарках были единичны и не размножались).

В 1973 г. в США, штате Висконсин, начал свое существование Международный журавлиный фонд (МЖФ).

В 1975 г. на встрече российских специалистов с директором МЖФ Джорджем Арчибальдом была одобрена идея создания генетического банка стерха.

В 1977 г. экспедиция ВНИИ природы собрала в Якутии 12 яиц стерхов на последней стадии высиживания (стерх, или белый сибирский журавль — *Grus*

leucogeranus — эндемик России, гнездится на территории нашей страны только двумя изолированными популяциями в Якутии и в низовьях Оби) и передала их для инкубирования и разведения в Международный журавлиный фонд.

В 1978 г. российскими учеными был зафиксирован факт гнездования стерхов в Тюменской области.

В 1979 г. в Окском заповеднике был создан питомник редких видов журавлей, и в этом же году экспедиция ВНИИ природы передала в питомники заповедника и орнитопарка Вальероде (Германия) 17 яиц стерха якутской популяции.

В 1981 г. в Окском питомнике было получено потомство от первой пары журавлей, а экспедиции обнаружили несколько гнездовых участков стерхов в бассейне реки Куноват (Тюменская область).

С 1991 г. на практике начала реализовываться международная программа восстановления угасающей западносибирской популяции стерха (где по учетам специалистов осталось всего несколько десятков

Таблица 1.

Итоговые затраты на выращивание стерхов, предназначенных для интродукции в природу

Затраты	1999 г.	
	руб./год	\$/год
Кормовая база	3078	126,8
Зарплата работникам	17537	732
Обслуживание питомника	4536,5	189
Капитальное строительство	13018	544
Транспортировка в места выпуска в природу	543043	22693
Итого:	581213	24285

Таблица 3.

Оценка восстановительной стоимости охотничьих ресурсов птиц Московской области

Виды животных	Восстановительная стоимость (тыс. дол. США)
Глухарь	71.0
Тетерев	209.5
Болотно-полевая дичь	14.4
Гуси	20.8
Утки	2121.9
Вальдшнеп	26.8
Голуби	87.7

Таблица 2.

Оценка восстановительной стоимости стерха в 1999 г.

Показатель	Величина
1. Полная стоимость разведения стерха в питомнике и транспортировки его в живую природу	\$2698
2. Общая численность стерхов, достаточная для выхода вида из категории исчезающего	200 журавлей
3. Суммарные затраты на получение пороговой численности (1х2)	\$539667
4. Фактическая численность стерхов в живой природе в 1999 г.	20 журавлей
5. Восстановительная стоимость стерха (3/4)	\$26983

птиц) путем интродукции выращенных в неволе журавлей в естественные экосистемы.

За этими скуными фактами — кропотливая каждодневная работа. Построены, оборудованы и эксплуатируются летние вольеры и зимние помещения для содержания взрослых журавлей, инкубаторий, брудер (отдельное помещение для выращивания птенцов), кормокухня. Ведется мировая племенная книга журавлей, необходимая для генетической паспортизации птиц, живущих в неволе, во избежание близкородственного скрещивания. Осуществляется регулярный индивидуальный подбор партнеров при формировании размножающихся пар. Освоены искусственное осеменение и криоконсервация (хранение при низкой температуре) генетического материала. Практикуются искусственная (только в инкубаторе), смешанная (частично в гнезде, частично в инкубаторе) и суррогатная (первоначально в гнезде или в инкубаторе, а затем в гнезде приемных родителей) инкубация яиц. Скорлупа как от неоплодотворенных яиц, так и от вылупившихся птенцов ежегодно пополняет научную коллекцию питомника, насчитывающую уже более 600 образцов. Апробированы и используются ручной, предполагающий непосредственный контакт с людьми, родительский (в журавлиной семье) и изолированный (с последующим выпуском в природу, а значит, с минимальным присутствием человека) методы воспитания птенцов в неволе. Налажены необходимые санитарные условия и ветеринарный контроль.

В итоге за 20 лет работы питомника от вольерных журавлей получено 691 яйцо, вылупилось 270 птенцов и выращено 200 птиц. Часть выращенных птиц передана отечественным и зарубежным питомникам и зоопаркам в долгосрочную аренду для разведения. 52 молодых стерхов выпущены в природу, а 29 яиц, полученные от стерхов питомника, подложены в гнезда диких серых журавлей и стерхов в местах гнездования обоих видов в Западной Сибири.

Все вышеперечисленное требует много сил и времени и порождает новые проблемы, преодолеть которые не так-то просто (запечатление на человека, трудности с формированием пар, нежелание «инкубаторских» улетать вместе с дикими птицами и т.п.).

Какова же стоимость подобного спонсорства биосферного масштаба?

Для его оценки в мировой практике используют 3 основных метода (Бобылев и др., 1999; Бобылев и др., 2000):

- доходный метод;
- затратный метод;
- метод сравнения продаж.

Применительно к биоресурсам оптимален метод восстановительной стоимости: он является производным от затратного метода и определяет расходы, связанные с полным восстановлением объекта оценки.

Используя этот метод, мы рассчитали для 1999 года, когда в природу было выпущено 9 особей, восстановительную стоимость 1 стерха (восстановительная стоимость биологических ресурсов определяется затратами на создание их аналогов в том же объеме и с тем же набором свойств). Она составила примерно 27000 \$.

Полная стоимость разведения — суммарная совокупность всех учитываемых затрат. Суммарные расходы, затраченные на выращивание стерхов в 1999 году, отражены в табл. 1, а расчет стоимости воспроизводства стерхов в искусственных условиях — исходя из суммарных затрат (Медведева, 1998), приведен в табл. 2.

Восстановительная стоимость стерха учитывает корма для птиц, зарплату сотрудников и обслуживание питомника, а также транспортировку птиц в места гнездования диких стерхов. При этом деньги являются необходимым, но не достаточным условием для полного восстановления популяции. Много это или мало — 26983\$ на одного стерха? Для сравнения приведена табл. 3.

В заключение хотелось бы отметить, что питомник редких видов журавлей проводит совместные работы и исследования с ВНИИ природы, Московским зоопарком, МЖФ, Институтом биологии гена, Якутским институтом биологических проблем криолитозоны, Московской государственной академией тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова и др. В дальнейшем возможно и желательно расширение числа участников проекта.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бобылев С.Н., Медведева О.Е., Сидоренко В.Н. Экономическая оценка биоразнообразия. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — 112 с.
- Грешневиков А.Н. Журавли из небытия. — М.: АО Журнал ЭКОС-информ, 1997. — 96 с.
- Диксон Д., Скура Л., Карпентер Р., Шерман П. Экономический анализ воздействий на окружающую среду. /Пер. с англ./ А. Н. Сальникова, С. С. Шалыпиной. Науч. ред. пер. и авт. предисл. С. Н. Бобылев, Т. Г. Леонова, М. И. Сметанина. — М.: Вита-Пресс, 2000. — 272 с.
- Ласуков Р. Е. Журавли: обзор современного состояния. — Пушкино: Биопресс, 1996. — 28 с.
- Медведева О.Е. Экономическая оценка биоразнообразия. Теория и практика. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — 99 с.
- Флинт В.Е. Разведение редких видов птиц. — М.: Агропромиздат, 1986. — 205с.

О БЕДНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО!

(ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКОТУРИЗМЕ)

В. Бриних,

Кавказский государственный природный биосферный заповедник

Продолжая разговор об экотуризме на охраняемых территориях, начатый журналом в прошлом номере, сразу хочу уточнить, что являюсь сторонником позиции так называемых ортодоксальных природоохранников, к числу которых отношу Н. Реймерса, Ф. Штильмарка, В. Борейко и др. Но... при условии создания нормальной ситуации для существования и развития заповедной системы в России. Однако ее нет и не будет еще долго. Государство с каждым годом постепенно сдает свои позиции, и в политических играх между центром и субъектами федерации. Охрана природы (в том числе и ООПТ федерального значения) становится разменной монетой, которой оплачивается лояльность местных властей. Кому будет легче от того, что лет через 30 постаревший Владимир Борейко выпустит новую книгу о разгроме заповедной системы в России начала XXI века, не вписавшейся в политическую и социально-экономическую схему управления страной? А это — реальная угроза, если мы, т.е. работники заповедной системы, сохраняя основополагающие принципы, не найдем компромиссных вариантов, гарантирующих существование строго охраняемых природных территорий в условиях рыночной экономики и суверенизации регионов. Туризм — один из таких компромиссов.

Быть принципиальным тяжело, а с другой стороны и легко. Легче потому, что голова не болит от постоянного балансирования на лезвии бритвы, мир четко разделен на черное и белое. Гораздо тяжелее отстаивать принципы на практике,

когда на твои плечи возложена ответственность за сохранение конкретной территории и судьбы конкретных людей с их земными заботами, часто не имеющими ничего общего с охраной природы. У меня есть некоторый опыт работы директором российского заповедника, поэтому буду говорить с точки зрения осмысления этого опыта. Характер и стиль работы директора заповедника формируется в душевной атмосфере кадровой «кузницы» нашего государства: между «молотом» требований вышестоящего руководства и «наковальней» интересов коллектива заповедника. Для разогрева используется «жар» несовершенного законодательства и коррумпированного чиновничества, раздуваемый «горном» общественного мнения. Не каждый пройдет такую обработку успешно, кто-то потеряет твердость, а кто-то вообще будет выброшен в брак. Шишки и рубцы будут у каждого...

Директор российского заповедника должен быть самым большим оптимистом и заряжать оптимизмом людей, работающих за гроши (30–40 долларов США в месяц), ежедневно рискующих жизнью ради сохранения и изучения родной природы.

Директор российского заповедника должен быть порядочным и честным человеком, так как в его руках находятся огромные на самом деле богатства. В обществе принято считать нормальным, что человек, обслуживающий крупные финансовые или материальные средства, управляющий ответственными участками работы, должен получать высокую заработную плату, но относится это почему-то к

банкирам, военным, полицейским и другим подобным категориям. А того, кто отвечает за сохранность миллиардов долларов в виде биологических ресурсов, полезных ископаемых и рекреационных ресурсов, обеспечивает безопасность десятков и сотен человеческих жизней, владеет крупным арсеналом служебного оружия и подготовленными бойцами, до сих пор принято считать, по определению Петра I, вором, которому можно платить мизерную заработную плату. Мол, все равно украдет и себя прокормит. Многие себя и кормят, да и не только себя.

Оппоненты в пылу дискуссий о вреде и пользе экологического туризма в заповедниках забыли о главном. Ведь сейчас гораздо важнее сохранить в целом заповедники как таковые, а не спорить, допустимо или нет нахождение туристов на их территории. В истории нашей заповедной системы уже были периоды как широкого развития туризма, в том числе и массового, на территориях заповедников, так и практически полного его запрета. В Кавказском заповеднике на кордоне Умпырь (центр восстановления горного зубра) еще несколько десятков лет назад почти ежедневно в летнее время находилось до двух сотен туристов, идущих по всеосюзному маршруту Псебай — Красная Поляна. Такие же потоки шли и по другим туристическим маршрутам заповедника. Но ведь заповедник сохранился и существует до сих пор. То же происходило и в других регионах. Будем считать, что сейчас наступает такой вот период учета интересов развития туризма. Туризм — на самом деле не

самое большое зло. По крайней мере он поддается регламентации и контролю на некой ограниченной территории.

Более важная задача — предотвратить скатывание заповедников до уровня национальных парков и, не дай Бог, охотничьих заказников. Вот здесь надо быть принципиальными до конца, причем всем, а не отдельно взятым директорам и иже с ними. Внедрение туризма в заповедниках не ставит их автоматически на одну доску с нацпарками, это — одно из заблуждений наших теоретиков. Это действительно дань времени, в котором мы живем, т.е. преходящее. Главное в другом — в сохранении существующего и законодательно закреплённого статуса и режима заповедника. Могу сказать более конкретно, по пунктам:

1. Предотвращение зонирования заповедного ядра, доля которого от общей площади заповедника не должна быть менее 90 %, что, кстати, законодательно не закреплено.

2. Предотвращение возможности сдачи земель заповедника в аренду и закрепление полного запрета на изъятие каких-либо участков заповедной территории по любым поводам в новом Земельном Кодексе и природоохранном законодательстве.

3. Предотвращение возможности расширения перечня видов рубок в заповедниках. Если будут внедрены рубки промежуточного пользования, то это будет означать гибель заповедных лесов.

4. Сохранение заповедной науки, для чего необходима ее поддержка, в том числе и финансовая, со стороны государства. Должен формироваться ежегодный государственный заказ на научную продукцию, а сама заповедная наука должна быть нацелена на решение практических природоохранных задач.

Авторы статьи «Не перейти грань!» («Охрана дикой природы», № 3 (22), 2001) высказывают правильные опасения о покушении на основы отечественного заповедно-

го дела, о размывании граней между заповедниками и нацпарками и пр. Вот только главное зло они увидели в туризме, тем более в его экзотической форме — экологической. И со всем пылом души, со всем своим жизненным опытом и огромным авторитетом они навалились на это зло, не замечая, что рядом зреет угроза не просто размывания граней между ООПТ, а раз-

В первую очередь необходимо избавиться от ханжества и перестать стыдливо называть познавательный туризм просто элементом эколого-просветительской деятельности. Тем более вслух заявлять, что деньги при этом — не главное! Думаю, что выражу позицию подавляющего большинства тех директоров, которые занимаются или хотят заняться экскурсионно-тури-

Кавказский заповедник. Сенная поляна, здесь до революции заготавливали сено для великокняжеского заказника. Фото здесь и далее В. Черногола

мывания ООПТ как таковых. В. Борейко тоже борется с туризмом в заповедниках, ратуя за любовь к Природе. Но ведь и любовь каждый понимает по-своему.

Туризм можно сделать минимально влияющим на охраняемые природные комплексы и максимально полезным для поднятия имиджа заповедника и латания бюджетных дыр, а можно, упустив контроль, превратить его в монстра и могильщика заповедных принципов. Все дело в ответственном подходе к проработке этой проблемы, к внедрению системы самоконтроля и контроля за развитием туристической индустрии в заповедниках, в четком распределении полномочий в этой сфере между администрациями заповедников и нашим вышестоящим руководством.

стической деятельностью, если заявлю, что мы делаем это в первую очередь ради зарабатывания денег для нужд заповедника, а уже потом для экологического просвещения и пр. Если туризм не будет приносить доходы, то и не стоит пачкать руки, прикрываясь красивыми словами о воспитании экологического сознания.

Умные люди, которые составляют основную часть наших сторонников, подсознательно чувствуют некоторую фальшь в этом вопросе и именно по этой причине внутренне сопротивляются развитию туризма на базе заповедников или же вообще разочаровываются в идее заповедности. Гораздо эффективнее было бы честно сказать: да, мы делаем сейчас шаг назад, чтобы спасти систему, но через какой-то вре-

менной промежуток сделаем два шага вперед. Считаю, что этим мы приобретем больше сторонников и избавимся от многих проблем, проистекающих из неопределенного (законодательно) статуса туризма в заповеднике.

Я лично уже столкнулся с ситуацией, когда мне в суде пришлось доказывать принадлежность познавательного туризма к эколого-просветительской деятельности, а также право заповедника заниматься экскурсионно-туристической деятельностью как видом предпринимательской деятельности. Моим оппонентом выступал районный прокурор, который опротестовал право заповедника самостоятельно устанавливать расценки на услуги в экскурсионно-туристической сфере, применяя в качестве одного из аргументов формальное отсутствие законодательно закрепленного права заповедника заниматься ту-

Кавказский заповедник. Проход в скальном поясе, отгораживающем с юго-запада Плато Черногорье

ризмом. Упоминание туризма в Рекомендациях по организации и ведению эколого-просветительской деятельности в заповедниках ни на

него, ни на суд большого впечатления не произвели. Можно, конечно, посмеяться и забыть, учитывая, что суд был в Адыгее, но слабая правовая база экологического туризма все равно ведь остается слабой! Если уж сказали «А», то надо говорить и «Б» — то бишь разрабатывать такую нормативную базу, чтобы даже прокурору и суду в Республике Адыгея было понятно, что можно делать с туризмом в заповеднике, а что — нельзя.

Должна быть четкая государственная политика в определении параметров развития туризма на территориях заповедников, разработаны критерии, позволяющие держать ситуацию под контролем, распределены полномочия между администрациями заповедников и нашим руководством в Департаменте охраны окружающей среды и экологической безопасности МПР

России. В Москве должны понимать, что координировать всю работу необходимо самим, а не отдавать формирование концепции экотуризма на откуп организациям, заинтересованным в зарабатывании на этом денег. Насколько я понимаю, в Департаменте своего специалиста по этим проблемам вообще нет, что не совсем хорошо. Отсюда во многом и партизанщина, перегибы и перекосы. Практически все то негативное, за что критикуют заповедники в связи с туризмом, происходит оттого, что мы идем на ощупь, во многом дублируя ошибки друг друга и набивая шишки на ровном месте, дискредитируя тем самым кое-какие принципы отечественного заповедного дела. Пока не будут решены проблемы, затрудняющие эффективное развитие этой сферы деятельности, о которых со всех трибун говорят руководители фонда «Дерсу Узала» Н. Моралева и Е. Ледовских, развивать туризм в заповедниках нельзя.

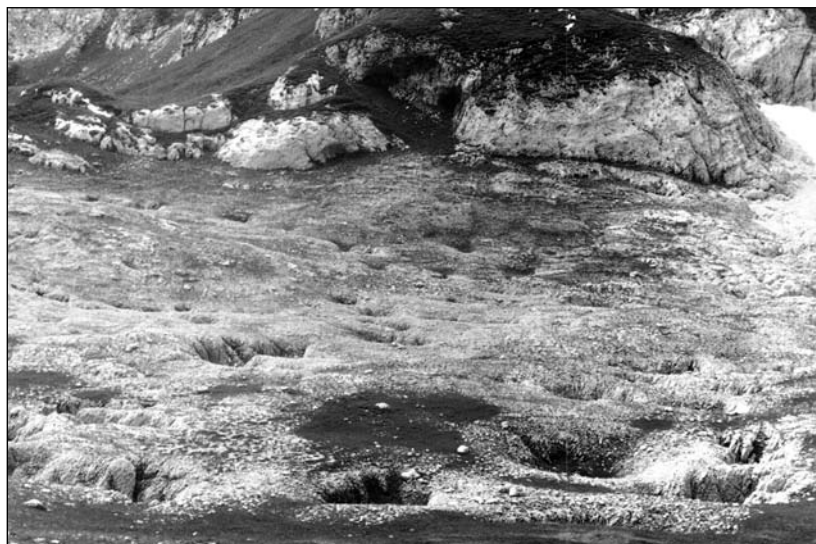
Тем более хвастаться его бурными успехами при отрицании запретов, ограничений, приказов и наказаний. Это уже пахнет профанацией

идеи, слепым копированием западной модели ОПТ без учета менталитета нашего потребителя и уровня развития заповедной инфраструктуры. Можно, конечно, из трюка сделать танк или наоборот, такие случаи в истории известны. Но гораздо эффективнее и безопаснее было бы направить усилия специалистов на практическое решение упоминаемых в статье «Экологический туризм в России» («Охрана дикой природы», № 3 (22), 2001) проблем в целом по системе, чем на доказывание необходимости и неизбежности развития экотуризма в российских заповедниках на отдельных примерах, к тому же не всегда удачных.

В концепции развития экотуризма на базе заповедников есть одно логическое противоречие. Не будучи разрешенным, оно способно вырасти в проблему, которая взорвет эту концепцию изнутри при первом же ее масштабном применении. Одним из основных аргументов распространения туризма в заповедниках является стремление ликвидировать оторванность этих территорий с их статусом закрытых учреждений от общего социально-экономического развития регионов и завоевать поддержку местного населения, т.е. доказать полезность заповедников всем слоям общества и уровням власти. Доказать это можно только одним способом — частичным ослаблением режима и доступностью пользования природными ресурсами заповедника. Избрано одно из самых «безобидных» с точки зрения сохранения биоразнообразия направлений хозяйственной деятельности — рекреационное. В то же время декларируется неприемлемость массовости туризма, жесткое регулирование количества посетителей и ориентация на научный туризм, волонтерство и пр. виды «мягкого» вторжения посторонних лиц в дикую природу. Специалистами даются научно обоснованные рекомендации по допустимым рекреационным нагрузкам в несколько десятков или сотен туристов на один маршрут за сезон. Получается, что

если жестко придерживаться общемировых стандартов (которые, кстати, не предусматривают существования такой категории ООПТ, как российские заповедники) экологического туризма, то доступ на заповедную территорию будет открыт только ограниченному кругу туристов. А как же тогда быть с интересами местных жителей и региональных властей, которые нацелены на массовое развитие туризма по низким ценам? Пример: Лагонакское нагорье, чей заповедный статус перестал устраивать власти Адыгеи, как только реальным стало получить из федерального бюджета деньги под развитие туризма в республике. Другой нюанс этой проблемы заключается в том, что ограниченное число посетителей в случае низких цен (как говорят, прибыль — не главное) все равно не дадут ожидаемого эколого-просветительского эффекта, а вред природе нанесут.

Кроме того, такие виды туризма, как научный, фотоохота и подобные им, предпочитают специалисты, как профессионалы, так и любители, что также исключает их из сферы эколого-просветительской деятельности. Это совершенно самостоятельные виды туризма, в результате которых заповедник должен получить или большие деньги в качестве платы, или серьезную помощь специалистов в проведении каких-то исследований. Их связь с экологическим туризмом искусственна и весьма условна. Вот здесь параметры рекреационных нагрузок в несколько сотен человек за сезон реальны и вписываются в общую схему сохранения

Кавказский заповедник. Карстовые вороночки на плоском дне карстового опускания на Фишт-Оштеновском перевале

дикой природы, особенно если включить в допустимое число посетителей и работников заповедника, хотя бы научных сотрудников, чей график работы гораздо легче поддается планированию.

В заключение несколько сумбурного текста хочется еще раз подчеркнуть, что заповедники, в отличие от наших и чужеземных парков и других ОПТ, на сегодняшний день в целом, слава Богу, сохранили еще свой закрытый статус. Действует пока еще система запретов и наказаний, приказов и распоряжений. До эры милосердия еще далеко. Порядок на территории заповедника, в том числе на туристических маршрутах и прочих рекреационных объектах, реально наводится не уговорами и расстановкой табличек типа «По газонам не хо-

дить!», а репрессивными методами — составлением протоколов и наложением штрафов. А лучшее экологическое воспитание тех же туристов — когда они знают, что их в любой момент могут остановить и наказать, заставить убрать мусор или потушить дымящееся кострище. Для этого государственный инспектор должен уметь не только составить протокол, но и грамотно объяснить последствия (для природы) нарушения заповедного режима туристом, а при наличии свободного времени даже подискутировать о перспективах развития заповедной системы и других высоких вещах. Для этого необходимо иметь широкий кругозор, раскованное мышление и, желательно, высшее образование. Но это, как говорится, совсем другая история...

Редакция приносит свои извинения В. Черноволу за ошибку в указании авторства фотографий к статье В. Чижовой «Туристы в заповедниках: как и сколько?» (№3/2001).

УПРАВЛЕНИЕ ОХРАНЯЕМЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ РОССИИ И США

Дэвид М. Остергрен,
факультет политологии и Центра наук и образования в области окружающей среды Северо-Аризонского
университета (штат Аризона, США)

Стивен Дж. Холленхорст¹,
кафедра рекреации и туризма Университета Айдахо (штат Айдахо, США)

Несмотря на очевидное сходство основополагающих принципов, принятых во многих странах мира, различия в культурных традициях и политических системах не могли не сказаться на формировании представлений о роли и значении охраняемых территорий. С течением времени перемены социально-политического, экономического и технологического характера в каждой из стран привели к видоизменению системы ценностей, которой руководствовались создатели первых природоохранных программ. В настоящей статье приводится сравнительный анализ тенденций к сближению и расхождению государственных стратегий управления охраняемыми территориями в России и Соединенных Штатах.

На ранних стадиях развития природоохранного процесса понятие «заповедник» было неоднозначным, однако к 30-м годам этот термин начали применять для определения территорий, предназначенных для сохранения (главным образом в целях экологических исследований) типичных или уникальных экосистем (Weiner, 1988). Прайд (Pryde, 1972) считает, что функционально заповедники России *de facto* идентичны природным территориям США, несмотря на то, что последние открыты для людей и предназначены для удовлетворения их эстетических и физических потребностей. В соответствии с законодательством США «люди располагают правом неограниченного доступа» к природным территориям, предоставляющим «исключительные возможности для уединения, сближения с первозданной природой и наслаждения ощущением свободы» (Public Law, 1964). Несмотря на различия в перечнях видов деятельности, разрешенной в пределах американских природных зон и российских заповедников, охраняемые территории

двух стран имеют много сходных черт, поскольку и те и другие представляют собой значительные по площади, не предназначенные для использования в военных целях территории с наивысшим статусом охраны от хозяйственного и экономического вмешательства.

Сравнительный анализ систем управления охраняемыми территориями проведен для западных стран с демократическими режимами. Так, по мнению Шалтиса (Shultis, 1995), создание национальных парков в четырех странах (в прошлом колоний Великобритании) было в большой степени обусловлено сходством их культур и природных условий.

В США первый национальный парк был образован в 1872 г., в Австралии — в 1879 г., в Канаде — в 1885 г. и в Новой Зеландии в 1887 г. Эти четыре страны имели следующие сходные черты:

- бывшие колонии стремились обрести свое лицо и обособиться от Великобритании;
- писателям и художникам Нового Света не доставало литературных и образных средств для

описания заповедных земель, поэтому они предлагали собственные идеи (например, о национальных парках);

- характерная для всех четырех стран географическая удаленность от Великобритании и эмоциональная сдержанность по отношению к колонизировавшему их государству;
- тот простой факт, что все эти страны располагали обширными природными территориями, которые можно было сохранить.

Автор другой работы, содержащей сравнительный анализ охраняемых территорий (Henderson, 1992), рассматривая различия между американскими, британскими и канадскими взглядами на дикую природу, приходит к заключению о том, что за последние тридцать лет канадцы переняли у американцев представления о заповедных местах как о «дефицитном товаре».

В более ранних работах сходные черты российских и американских природоохранных систем упоминались лишь вскользь (Pryde,

¹ Перепечатано из: Ostergren, David M. & Steven J. Hollenhorst. 1999. Convergence in protected area policy: a comparison of the Russian zapovednik and American wilderness systems. *Society and Natural Resources*. 12(4):293–313 (June 1999).

1972, 1991; Ziegler, 1987; Weiner, 1988), а сравнительный анализ природоохранных стратегий практически никем не проводился. В этой статье сделана попытка такого анализа на основе следующих данных: 1) официальные документы — такие, как законодательство, постановления и отчеты о заседаниях юридических органов и профессиональных объединений, 2) архивные материалы и надежные вспомогательные источники информации, 3) официальные и неформальные беседы с политическими лидерами. Официальные нерегламентированные интервью с директорами заповедников и государственными чиновниками позволили получить информацию о текущей ситуации в России. В анализе были также использованы данные, собранные в ходе неофициальных бесед с государственными чиновниками, представителями неправительственных организаций, учеными и историками.

КОНВЕРГЕНЦИЯ, ИЛИ СБЛИЖЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

В странах с различными политическими системами с течением времени проявляются тенденции к сходному решению близких проблем (Bennett, 1991). Имеющиеся публикации сосредоточены главным образом на процессах, протекающих в западных демократических странах (особенно европейских), и на проблеме воздействия промышленно-технического прогресса на такие сферы, как защита информации и разработка природоохранных законов (см., например, Bennett, 1988; Jasanoff, 1991; Overbye, 1994). Интересно сравнить ситуации в России и Соединенных Штатах и проанализировать процесс сближения природоохранных стратегий двух совершенно различных стран. Они могут сближаться в части программных целей, содержания, средств и методов реализации (Bennett, 1991). Мы сконцентрируемся прежде всего на сходстве целей и содержания природоохранных стратегий.

Чтобы доказать справедливость утверждения о сближении стратегических позиций двух наций, нужно ответить на вопрос о том, в какой степени сходны и различны их основные принципы. Безусловно, оценка степени сходства будет неизменно носить субъективный характер.

Силингер (Seelinger, 1996) предлагает сосредоточить внимание на содержании природоохранных программ за два различных периода. По нашему мнению, принципы управления российскими заповедниками и американскими природными территориями были очень близки в конце XIX века, после чего началось расхождение целей и содержания программ, достигшее своей кульминации примерно к 1930 году.

С середины 70-х годов обозначилась новая тенденция к сближению, и к 1996 г. стратегии достигли максимального сходства.

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПРОЦЕССУ КОНВЕРГЕНЦИИ

Чтобы обсуждать, что же стимулировало конвергенцию в подходах к проблемам природных территорий России и США, полезно привести несколько постулатов:

1. *Демократия* обуславливает такие процессы, как расширение политического диалога и ограничение влияния правящих кругов, способствует сближению стратегических позиций (Overbye, 1994). Хотя открытые дебаты оказывают воздействие на формирование природоохранных стратегий в обеих странах, демократизация России с середины 80-х годов играла в этой стране значительно более заметную роль.

2. *Детерминизм* способствует конвергенции в том случае, когда приемлемым представляется лишь одно из всех предложенных средств решения проблемы, связанной с охраняемыми территориями (Bennett, 1988, 1991). Доводы против влияния фактора детерминизма обычно сводятся к утверждению, что сближение стратегических линий можно рассматривать

как реальный процесс лишь если одна страна активно перенимает основополагающие принципы другой. Мы же убеждены, что детерминизм необходимо принимать во внимание, особенно в вопросах, касающихся природных ресурсов. Им присущи особые свойства, которые поддерживаются на протяжении долгого времени и во многом определяют благосостояние и мощь государства (Siegel & Weinberg, 1977). Несмотря на уникальное значение культуры и политики, чисто физические качества природных ресурсов могут накладывать ограничения на число возможных решений.

3. *Гармонизация* определяется как влияние, оказываемое международными группами людей, объединенных едиными целями и располагающих возможностями для регулярного взаимодействия.

4. *Эмуляция*, или подражание, представляет собой процесс, при котором люди, ответственные за принятие решений, извлекают уроки из опыта других стран или просто перенимают принципы и подходы, практикуемые их зарубежными коллегами (Bennett, 1991).

5. *Проникновение* — это фактор, способствующий сближению, в ситуации, когда представители государственных структур участвуют в политических процессах другой страны (Rosenau, 1969). По данным Зигеля и Вайнберга (Siegel & Weinberg, 1977), неправительственные организации играют важную роль в процессе сближения стратегических принципов разных стран.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТРАТЕГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЯЕМЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ

В конце XV столетия Западная Европа начала исследование и завоевание Северной Америки, тогда как Россия, распространяя свое влияние из европейской части на Восток, принялась за разведку и покорение Сибири. В обоих полушариях правящие группы активизировали действия, направленные на заселение новых земель, экономика осваиваемых территорий стала опираться на интенсивную экс-

плуатацию природных ресурсов.

В конце XIX века представители наиболее «культурных» слоев населения каждой из стран начали задумываться о логических основах философии охраны природы. Растущая популярность природоохранных идей подтверждается часто цитируемой выдержкой из книги Джорджа Перкинза Марша «Человек и природа»:

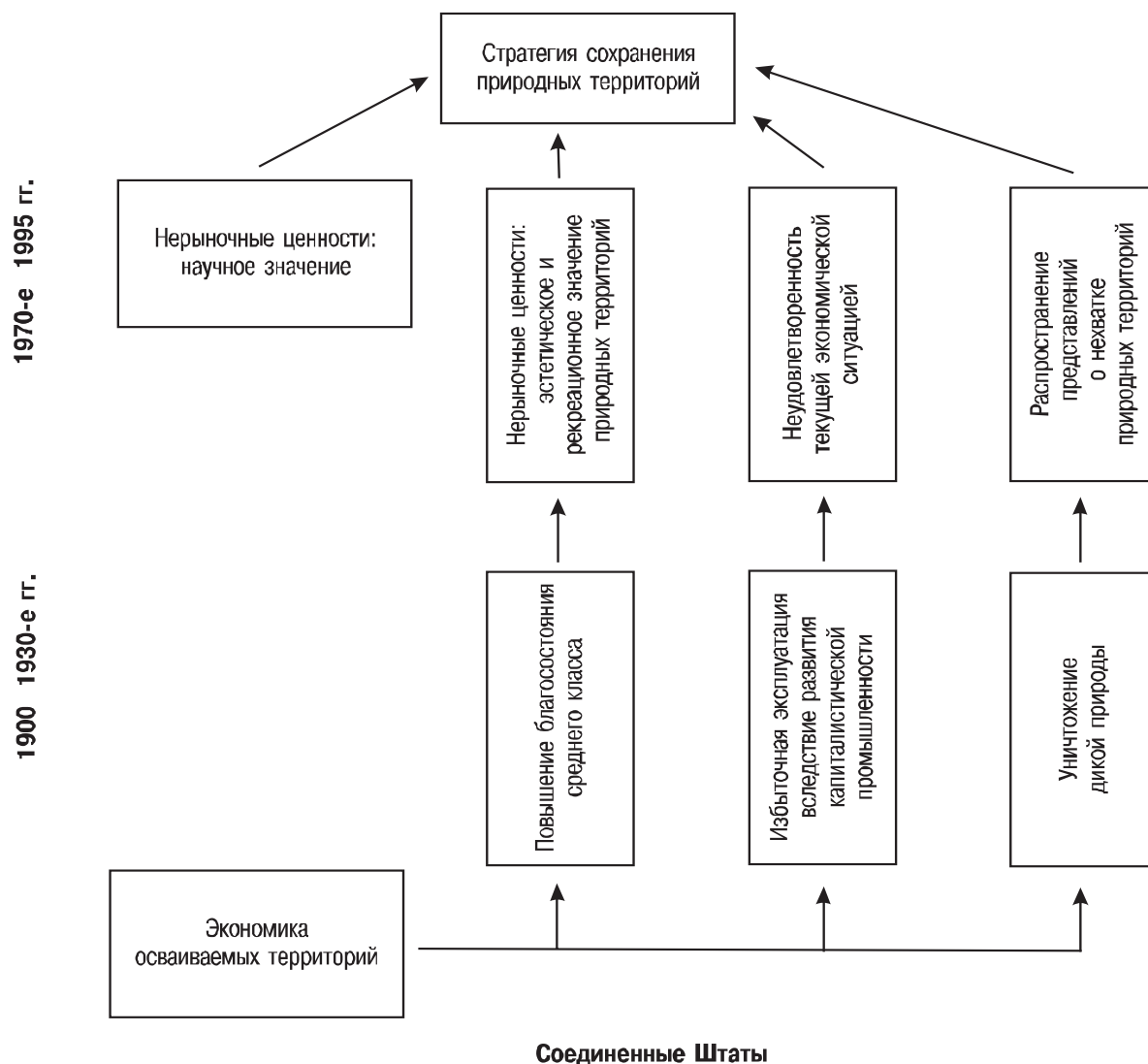
«Земля стремительно превращается в жалкий приют, мало подходящий для жизни ее благород-

нейших обитателей, и [неконтролируемая деятельность людей] может довести планету до столь ужасающего состояния, что невосполнимая утеря плодородия, полное истощение почв и катастрофические изменения климата станут предвестниками таких бед, как порок, варварство и даже, возможно, полное вымирание человеческой расы» (Marsh, 1864).

Влияние идей Марша на американское природоохранное движение широко освещено в литературе (Nash, 1982; Oelschlaeger, 1991).

Намного меньше известно о том, какую роль сыграли его работы в развитии российской природоохранной философии. В своей книге, переведенной в 1866 году на русский язык, Марш четко сформулировал мысль о воздействии цивилизации на природу, и его идеология определенно способствовала формированию природоохранных взглядов российских ученых. К началу 90-х годов XIX века почвоведы и экологи проводили научные полевые работы, направленные на изучение ненарушенных степных экосистем

Рис. 1. Развитие американской стратегии сохранения природных территорий с учетом роли научных интересов. Из работы Аллина (Allin, 1982)

(Weiner, 1988). Известный географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1917 г. выявил сорок шесть различных географических зон, подходящих для создания заповедников, «аналогичных американским национальным паркам» (Pryde, 1972). Наступление цивилизации привело к появлению российского и американского природоохранного движения, которые были «вызваны к жизни угрозой неизбежной и необратимой утраты природных богатств» (Pryde, 1972, p.13). Но природоохранные стратегии двух стран, зародившись на одной и той же почве, развивались в дальнейшем в различных направлениях.

ПРИРОДООХРАННАЯ СТРАТЕГИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Схема из работы Аллина (Allin, 1982) (рис. 1, исходная схема модифицирована) демонстрирует изменения, которым подверглась стратегия управления природными ресурсами под влиянием экономической ситуации, сложившейся при эксплуатации осваиваемых территорий. В работе Аллина отмечены три основных направления такого воздействия. Например, повышение благосостояния среднего класса вело к осознанию представителями интеллигенции истинного значения нематериальных эстетических ценностей (таких, как активный отдых на природе или возможность наслаждаться красотой диких мест).

На схеме представлены взаимосвязи между различными факторами, оказавшими влияние на формирование основных принципов и задач природоохранного программ США. Мы видоизменили схему, внося в нее временную составляющую и проиллюстрировав значение нематериальных научных ценностей, интерес к которым проявился в конце 70-х – начале 80-х годов XX века.

С течением времени научные интересы становились все более важным компонентом американской природоохранной политики. Следует отметить, что научные це-

ли, способствуя развитию стратегии охраны дикой природы, не подменяют собой целей эстетического или развлекательного рода. Хотя интересы науки и развлечения могут в будущем вступить в конфликт, в настоящее время и те и другие действуют в качестве факторов, способствующих делу сохранения природы.

Информацию об идеологии и законодательной базе системы охраны природных территорий США можно найти во многих публикациях (см., например, Gilligan, 1954; Nash, 1982; Allin, 1982; Oeschlaeger, 1991). Движение сторонников охраны природы в Америке было представлено на ранней стадии философиями-трансценденталистами конца XIX века. Участники этого течения избрали путь поклонения высшим романтическим идеалам, которые они видели в эстетических переживаниях и естественной красоте дикой природы, воспринимавшейся ими как источник вдохновения. Влиятельные философы – такие, например, как Р. У. Эмерсон, Фредерик Лоу Олмстед и Джон Муир, использовали настроения широких масс населения для оказания давления на главные органы управления землепользованием: Службу лесов США (USFS), входившую в состав Министерства сельского хозяйства, и Службу национальных парков (NPS), относившуюся к Министерству природных ресурсов.

В начале XIX века Служба лесов, руководимая ее директором, Главным лесничим Гиффордом Пинчо, уделяла основное внимание пастбищному выпасу скота и добыче древесины, мало интересуясь состоянием природных территорий (Gilligan, 1954). Мотивировка необходимости использования дикой природы в рекреационных целях была представлена Службе лесов Олдо Леопольдом. Он обосновал свою позицию тем, что дикая природа – «наилучшее средство восстановления психологического и физического здоровья людей», способное удовлетворить их потребности исследовательского и эстетического характера (Leopold, 1921). К

1920 году руководители Службы лесов признали, что вопросы управления природными ресурсами и заповедными территориями должны занять важное место в государственной стратегии охраны природы (Hendee et al., 1990). Растущий спрос на такие виды рекреационной активности, как путешествия верхом на лошадях, охота на крупную дичь и рыболовство, привел к тому, что в 1924 г. Служба лесов приняла решение выделить для этого природные территории Хиля (Нью-Мексико).

Образование в 1872 г. Йеллоустоунского национального парка, который должен был стать «публичным, общедоступным парком, или местом для полноценного и приятного отдыха людей» (17 Stat. L., 1872), без всякого сомнения, было событием, ознаменовавшим поворотную точку в развитии природоохранной идеологии. Йеллоустоунский парк, который стал первой в мире природной территорией, получившей федеральный статус защиты, мог служить примером прогрессивного мышления для других стран. Повсеместная поддержка проекта со стороны общественности нашла свое отражение в Законе об образовании новых территорий, принятом Службой национальных парков в 1916 г. Законом определялись явно несовместимые задачи использования природных парков, сформулированные следующим образом: 1) сохранение природных и исторических объектов, ландшафтов и видов живой природы и 2) предоставление возможностей для использования всего вышеуказанного в развлекательных целях с сохранением целостности и жизнеспособности природных комплексов для будущих поколений (39 Stat. L., 1916). Сохранение таких территорий в их естественном состоянии официально считалось первостепенной задачей Службы национальных парков. Тем не менее, Стефан Матер (первый директор NPS), стремясь открыть национальные парки для людей и завоевать тем самым массовую поддержку, поощрял посещение заповедных

территорий и строительство на них дорог (Albright & Cahn, 1985). К 20-м годам XX века мнения по вопросу о национальных парках разошлись: в то время как часть членов NPS поддерживала стремление к сохранению природных территорий в их первобытном состоянии², те, кто представлял интересы железнодорожной и автомобильной промышленности, выступали за полную доступность заповедных мест и содействовали созданию максимально благоприятных условий для посетителей парков.

К 1933 г. значительно повысилось количество, разнообразие и посещаемость природных парков. Служба национальных парков сформулировала свои основные цели и разработала стратегию управления национальными парками, которые были подразделены на три основные категории: 1) разрабатываемые территории, 2) неприкосновенные, или ненарушенные территории — области, подлежащие охране для защиты уникальных природных или исторических объектов (строительство зданий или дорог на таких территориях категорически запрещалось), 3) научно-исследовательские заповедники — неизменные территории, административно изъятые из общей системы земель и предназначенные для использования в научно-исследовательских и просветительских целях. Научно-исследовательские заповедники и ненарушенные территории ранее назывались «девственными» или «первобытными», и их продолжали характеризовать как «девственные, дикие, бездорожные» (Gilligan, 1954).

Одним из факторов, способствовавших официально введению категории первозданных, или природных территорий, была конкуренция между USFS и NPS. Некоторые авторы считают, что Служба лесов США намеренно расширила понятие о девственных местах, что-

бы удержать природные территории под своим контролем. Поскольку сотрудники USFS занимались главным образом вопросами природопользования, а работа NPS была направлена на охрану природы, чиновники из Службы лесов опасались, что заповедные земли могут перейти в ведение NPS (Gilligan, 1954, Hendee et al, 1990). Таким образом, стратегия управления природными территориями постепенно развивалась в рамках Службы лесов США. Более того, склонность этого учреждения к активным методам администрирования способствовала изменению отношения к природным территориям, которые стали все в большей степени восприниматься как природные ресурсы, требующие серьезного управления.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Образованные в 1927 г. научно-исследовательские заповедники характеризуются как «земли, использовавшиеся в природоохранных целях в большей степени, чем территории любых других категорий, введенных Службой национальных парков», а также как эталоны природных территорий (Sellers, 1993). Они предназначались для биологических изысканий, а охрана была настолько жесткой, что даже сведения об их местоположении нигде не сообщались. Хотя в начале 30-х годов XX века Служба национальных парков пополнилась экологами, придававшими особое значение экосистемному подходу, научно-исследовательские заповедники фактически не использовались, а их небольшие площади оставляли мало надежд на сохранение исходных экосистем. К концу 30-х годов проекты научных заповедников оказались, по сути, забытыми и NPS по-прежнему уделяла основное внимание развлекательно-оздоровитель-

ным программам и строительству дорог, облегчавших доступ к природным территориям (Sellers, 1993).

Еще одним свидетельством отсутствия у правительства США интереса к экологическим исследованиям является история Бюро биологических обследований (BBS). Это учреждение было основано еще в 1883 г., причем сам факт его создания отражал интерес к фундаментальным биологическим исследованиям и к влиянию природных ресурсов на экономику. Когда в 1896 г. в центре внимания оказались эти проблемы и, в частности, изучение миграционных путей птиц, бюро переименовали в Отдел биологических обследований. В 1906 г. статус Отдела был повышен: под названием Бюро биологических обследований он вошел в состав Министерства сельского хозяйства и присоединился к набирающему силу природоохранному движению США. По мере расширения объема работы BBS экологические исследования потеряли свой приоритетный статус в работе этого учреждения, занятого теперь широким спектром задач, начиная с биологических учетов и кончая регулированием численности хищников, контролем за чужеродными видами и оценкой экономического влияния диких животных и растений на сельское хозяйство (Cameron, 1929). Снижение влияния BBS в конце концов повлекло за собой его перевод в 1939 г. в подчинение Службе рыбы и дичи (FWS) Министерства природных ресурсов США.

В течение некоторого периода времени управление научно-исследовательскими заповедниками (RNAs) находилось исключительно в компетенции Службы лесов США. В 1925 г., руководствуясь практикой выделения земель для лесодобывающей промышленности, Служба лесов определила ряд научно-исследовательских заповедни-

² Служба национальных парков и Служба лесов США в различные периоды времени использовали термины «природные территории» и «первозданные земли» для определения одного и того же понятия, поэтому для удобства в данном тексте будет в дальнейшем употребляться выражение «природные территории».

ков, которые могли использоваться для проведения научных изысканий на местах. К 1953 году существовало 27 таких территорий, но все они были небольшими по площади и не обеспечивали необходимых условий для изучения процессов, протекающих в обширных экосистемах. По прошествии длительного времени руководство USFS стало придавать большее значение созданию экспериментальных станций, работе питомников, совершенствованию методов управления и генетическим исследованиям (Doig, 1976).

В 10-х и 20-х годах XX века Американское экологическое общество и Американская ассоциация содействия научному прогрессу постоянно поднимали вопрос о необходимости пересмотра отношения к использованию природных территорий. Ученые из этих организаций считали, что существующие экосистемы должны использоваться только в целях научных исследований, и заявляли о необходимости составления научно обоснованного реестра природных территорий (Shelford, 1920). Самнер (Sumner, 1920) призвал к выведению заповедников из подчинения NPS и USFS, поскольку, на его взгляд, ни одно из этих учреждений не располагало достаточными ресурсами и не имело адекватных, четко сформулированных принципов и целей, которые позволили бы сохранить такие территории исключительно для экологических исследований. Однако к концу 30-х годов крупные заповедники, предназначенные для научных изысканий, практически лишились федеральной поддержки (Gilligan, 1954).

Несмотря на небольшие размеры научно-исследовательских природных территорий и относительно низкую степень их значимости в федеральном секторе, в 60-х годах Американская ассоциация содействия научному прогрессу и ведущие экологи, в число которых входил Виктор Шелфорд, продолжали исследования на государственных и федеральных природных территориях и вели работу среди членов

законодательных органов, доказывая необходимость расширения сети охраняемых экосистем (Franklin et al, 1972). Деятельность Шелфорда включала в себя безрезультатное лоббирование вопроса об обширных пастбищных угодьях на площади в один миллион акров на северо-западе Небраски и юго-западе Южной Дакоты, публикацию путеводителя по природным территориям, подходящим для исследований, и оказание (в 1946 г.) поддержки образуемому Союзу экологов. Цель Союза состояла в сохранении естественных природных сообществ и содействии научным исследованиям на сохраняемых территориях (Croker, 1991). 11 сентября 1950 г. Союз экологов был переименован в «Охрану природы». Впоследствии эта организация внесла большой вклад в сохранение миллионов акров земли, руководила работой 1000 природных заповедников Соединенных Штатов и к 1989 г. насчитывала в своем составе более 535 тыс. членов (Croker, 1991). Однако научные исследования не рассматривались в качестве основного принципа в концепции создания Национальной системы сохранения природных территорий. Вполне вероятно, что «Охрана природы» частично обязана своими достижениями тому обстоятельству, что федеральные органы не смогли разработать достойную стратегию сохранения биоразнообразия страны.

ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ И ГЕГЕМОНИЯ РЕКРЕАЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ

К 30-м годам USFS и NPS официально закрепили за природными территориями небольшую, но заметную роль. Постановление L-20 от 1929 г. и принятое чуть позднее постановление U представляли собой по существу административные меры, направленные на выявление природных и бездорожных местностей и защиту их от возможных разработок. Территории, предназначенные для рекреации, мало подходили для лесоразработок (Allin,

1982). С точки зрения Службы лесов, природные территории ничем не отличались от других типов неэксплуатируемых парковых земель, поэтому управление ими не требовало особых дополнительных усилий. И для Службы лесов, и для Службы национальных парков ценность дикой природы заключалась в ее рекреационном потенциале.

Закон о природных территориях, изданный в 1964 г., имеет огромное значение, поскольку является первым в мире федеральным юридическим документом, в котором необходимость охраны территорий обосновывается с позиций их природных особенностей. Основная цель утверждения закона состояла в обеспечении настоящего и будущего поколений жителей страны всеми возможностями для уединенного и свободного отдыха на лоне первозданной природы. В законе упоминались и второстепенные задачи, к которым относились просветительская деятельность, охрана уникальных геологических или исторических объектов и научные исследования. Существенным представляется тот факт, что взгляды на главное предназначение природных территорий не претерпели никаких изменений с 30-х годов; первостепенной задачей оставалось сохранение неизмененных диких земель в рекреационных целях (Nash, 1982).

ПОВЫШЕНИЕ НАУЧНОЙ ЦЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В 70-е годы проявились тенденции, указывающие на рост интереса к науке. После выхода закона 1964 года природные территории все чаще рассматривались как превосходное место для проведения научных исследований (Lucas, 1972). К 1980 году сеть природных территорий расширилась, и они в значительно большей степени стали подходить для научных исследований, требующих обширных пространств (таких, например, как ареал гризли), чем небольшие по размеру научно-исследовательские

природные заповедники (Cutler, 1980). В 1976 г. на Конференции по проблемам научных исследований в национальных парках директор NPS Гари Эверхардт (1979) заявил, что в 60-х годах руководители национальных парков не имели обыкновения консультироваться с учеными, однако к середине 70-х администраторы пришли к пониманию необходимости применения основных экологических принципов к управлению национальными парками. В Национальном законе об управлении лесами, принятом в 1976 г., имеется четкая директива, согласно которой Службе лесов США предписывалось обязательное введение современных научных методов в практику управления лесными ресурсами. Число природных научно-исследовательских заповедников, находящихся в ведении USFS, возросло к середине 70-х годов до 127, а к 1987 году – до 160 (Soper & Humke, 1988). К 1992 году количество научно-исследовательских заповедников, выделенных под неинвазивные научные исследования, увеличилось до 260. Доступ к ненарушенным природным территориям открыл прекрасные возможности для деятельности ряда организаций, включая «Сохранение природы» и «Общество охраны диких растений» (Casey, 1992). На международном уровне политическая поддержка научных программ и их частичное финансирование осуществлялись в рамках проекта ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (MAB) (UNESCO, 1974). В конце 70-х годов некоторые из федеральных территорий были включены в состав сети биосферных заповедников проекта MAB.

Наука неоднократно упоминалась как фактор, оказывающий благоприятное воздействие на состояние природных территорий, хотя вопрос об объеме научных работ, проводимых на местах, остается предметом дискуссий. Тот факт, что на первой конференции по научным исследованиям на природ-

ных территориях, прошедшей в 1985 г. в Форт Коллинзе (Колорадо), было представлено более 70 докладов, может свидетельствовать о наличии тенденции к росту числа научных проектов, осуществляемых в дикой природе. По данным Батлера и Робертса (Butler and Roberts, 1986), в период между 1970-м и 1980 годами из 851 научного проекта, проводившегося на природных территориях, 731 относился к области естественных наук. К концу 80-х годов и руководство, и представители научных кругов встали на позицию экосистемного подхода к планированию землепользования. Важным компонентом экосистемного принципа управления являются крупномасштабные ландшафтные исследования, охватывающие обширные природные комплексы (Grumbine, 1994).

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ США В 90-х гг.

Безусловно, главной целью стратегии управления девственными территориями остается сохранение их естественного состояния для того, чтобы на протяжении жизни многих поколений они удовлетворяли потребности людей в отдыхе и развлечениях. При данной ситуации важно понять, насколько изменилось общественное мнение в отношении других возможностей, которые несет в себе дикая природа. Охраняемые территории служат целям просвещения и духовного обогащения, помогают сохранять биологическое разнообразие и генофонд редких видов животных и растений, являются прекрасной базой для научных исследований. Использование отчетов федеральных служб для оценки затрат на научные исследования представляется малоэффективным, поскольку статьи расходов, относящиеся к различным исследованиям, часто перекрываются. Однако достаточно ясно, что знания, накопленные в

области экологии и биологии, были получены благодаря закреплению за природными территориями специального статуса.

В меморандумах «Общества охраны дикой природы» (например, от 1994 г.) отмечается, что природные территории не должны и дальше считаться лишь источником рекреационных и эстетических ценностей; заповедные пространства следует охранять потому, что они поддерживают чистоту воды в естественных водоемах, служат важнейшими местами обитания многих видов животных и растений, улучшают качество воздуха благодаря фильтрующим свойствам растений и деревьев, сохраняют генофонд планеты и являются уникальными и незаменимыми исследовательскими «лабораториями» для ученых и медиков.

Можно полагать, что научное и социальное значение природных территорий будет возрастать и в будущем. Так, Станки и МакКул (Stankey & McCool, 1995) считают, что методы интерактивного управления способствуют все большему пониманию экологической роли пожаров на природных территориях. По всей видимости, и специалисты по охране природы, и представители административных органов в конце концов согласятся с целесообразностью политики невмешательства в случае природных пожаров, хотя подобная практика может поставить под угрозу срыва планы осуществления рекреационных проектов. Кроме того, фундаментальные и экологические исследования на природных территориях все более расширяются по мере того, как научные организации и университеты используют богатейшие возможности работы в условиях обширных, относительно мало нарушенных экосистем.

*(Продолжение в следующем
номере.)*

Перевод с англ. Т. Аржановой

КАВКАЗСКИЕ «ПЛЕННИКИ»

Е. Власов,

Селиховская средняя школа, 9-й класс,
Центрально-Черноземный заповедник

Мои родители работают в заповеднике, поэтому я всегда участвую в различных природоохранных конкурсах, акциях, викторинах. На этот раз я попал в число участников первого всероссийского лагеря для детей сотрудников заповедников, проводившегося в Кавказском заповеднике. Туда я поехал вместе с Олей Малешинной, также ставшей участницей этого лагеря.

В Москве я оказался впервые, и она мне понравилась сразу. Но еще больше она мне понравилась, когда мы сходили на Поклонную гору.

В аэропорту мы встретились с организаторами и остальными участниками лагеря. Вскоре мы уже сидели в самолете, и Ту-154 уносил нас от Москвы все дальше и дальше...

Через два часа мы приземлились в Адлере. Выйдя из самолета, я сразу почувствовал перемену в климате. Нас всех посадили в автобус и так, к слову, сказали, чтобы слабонервные направо не садились. Смысл этих слов все поняли, когда

автобус мчался по узенькой дороге, с одной стороны которой была отвесная скала, а с другой пропасть.

В Красную Поляну мы приехали, когда уже стемнело, а ведь до кордона было еще добрых двенадцать километров. Преодолев пешком это расстояние (правда, в конце нас подвезли две машины), мы в первом часу ночи в полной темноте добрались до нашего лагеря, поужинали, разбежались по палаткам и уснули.

Наш лагерь находился на высоте тысячи ста метров над уровнем моря, вблизи кордона Пслух. Мы

жили в десятиместных палатках, которых всего было пять. Номер палатки был номером отряда, в который входили все, кто жил в этой палатке. А во главе каждого отряда стоял вожатый. В нашем отряде (и в нашей палатке) было девять человек: Дима Фуфыгин из «Олекминского» заповедника, Максим Сопин из «Тунгусского», Иван Елсуков из Сихотэ-Алинского, Андрей Назаров из «Южно-Уральского», Гриша Сивков из «Пинежского», Марина Клявина из Воронежского, Юра Снарский из Жигулевского, Вика Зайцева из «Полистов-

Кавказские горы

Река и дорога. Здесь и далее фото автора

ского» и я — из Центрально-Черноземного.

Утро начиналось с получасовой зарядки, после которой я сразу шел к речке купаться. Мне нравилось ложиться в холодную воду и держаться за скользкие камни, когда бурный поток Пслуха тебя то и дело норовит снести вниз. Горная река очень красива, красива своими порогами, водопадами, каждый ее участок неповторим и необычайно разнообразен. К тому же вода в ней жутко холодная, так что лежать приходилось недолго.

В самом начале лагеря все ребята сделали небольшое сообщение о своем заповеднике. Потом всех участников разделили по трем направлениям: экопросвещение, охрана и наука. С нами работали высококвалифицированные специалисты. «Охранники» изучали оружие, закон о природоохранных территориях, у них было очень много интересной практики. Они ездили верхом на лошадях, запускали сигнальные ракеты и многое другое.

«Экопросвещенцы» решали проблемы заповедников сидя под большим раскидистым дубом. Вместе у нас были занятия по коммуникативному тренингу, школа выживания.

Наша группа – «научников» занималась изучением кавказской флоры и фауны. В лесу и на берегах реки мы отыскивали следы волка, медведя, дикого лесного кота. Кстати, кошка, живущая на кордоне Пслух, окотила трех котят, отцом которых был дикий лесной кот. Котята — все в папу, такие же полосатые и очень красивые. Вот как бывает!

В горах на экскурсиях с зоологом мы видели туров, серн, близко рассматривали белоголовых сипов, бородачей. На занятиях с лесоведом узнали о типичной кавказской флоре и дендрофлоре в особенности.

Мне понравились все взрослые, которые были в этом лагере, но все-таки я хотел бы выделить энтомолога Михаила Николаевича Цурикова, заповедник «Галичья гора» и Реваза Шулайя. Михаил Николаевич мне понравился своим желанием донести до нас как можно больше информации. Он очень много рассказывал, не останавливаясь буквально ни на секунду. Реваз Шулайя вел занятия по коммуникативному тренингу, он же был вожатым нашего отряда.

Главным организатором этого лагеря была Светлана Эдуардовна Попова, она провела с нами несколько занятий, но основное время работала с «просветителями».

В последние два дня мы спустились к морю и обустроились рядом с тисо-самшитовой рощей. Экскурсии в реликтовую рощу с нами проводили наши же «экопросвещен-

цы». Всех ребят разделили на несколько групп: дошкольники, школьники и иностранцы. Я был в группе «дошкольников». Рядом с нашим лагерем протекала речка, и на одном из участков этой реки было очень красивое (и популярное) место — «Чертовы ворота». Мы очень часто ходили туда купаться. И каждый день много времени проводили на море.

В этой поездке у меня многое было впервые, я впервые поехал на поезде, впервые побывал в Москве, прокатился на метро, я первый раз в жизни полетел на самолете, впервые был на Кавказе и на море, в первый раз попал в другой заповедник.

Сейчас слово «Кавказ» у многих связано с войной, разрушениями, смертью. А ведь Кавказ — это край удивительно красивой природы. И мы все стали пленниками этой красоты, пленниками Кавказа. Здесь я еще раз убедился, что природу в ее первозданном, чистом виде можно сохранить только в заповедниках. Пусть она навсегда останется в этих местах нетронутой и прекрасной.

Это — мы!

НЕСМОЛКАЮЩАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

А. Олексенко,

Институт учебника «Пайдейя»

«После окончания учебы в университете я поехал работать в Северный Казахстан, в Джусалинское противочумное отделение. В начале самостоятельной жизни и работы, вероятно, у каждого бывают моменты, когда кажется, что все в жизни получилось неправильно, что занесло тебя не туда, куда надо. И конечно, все это создает соответствующее настроение. В один из таких моментов я шел вдоль сухого русла речушки и вдруг впереди увидел лисичку. Худая, в летнем мехе, ушастая лисица караганка, деловито опустив нос, трусила по зарослям полыни у края саксаульника. Учув что-то на земле, зверь остановился, покружился, приняхиваясь, потом затрусил дальше. Больше ничего не было. Но было чудо — я увидел кусочек жизни вольного дикого зверя. Моментально вместо мрачных мыслей появилось ощущение праздника. Вся обстановка и сама жизнь стали другими. Вот что значит — увидеть живого дикого зверя».

(Из архива В. М. Смирин. Здесь и далее, если это специально не оговорено, приводятся цитаты из его рукописей и книги. — А. О.)

КАК ПРОНИКНУТЬ В РИТМ ЖИЗНИ ЗВЕРЯ?

Просматривая бесконечные серии набросков Вадима Моисеевича (Владимира Моисеевича с детства близкие и друзья звали Вадимом. Он и сам предпочитал это имя. Последуем этому и мы), сделанные на больших листах карандашом и акварелью в экспедициях, на Звенигородской биостанции, в зоопарках и вивариях, иногда переживаешь особенное чувство. Вот поиск облика, пластики зверя, вот — уже серия рисунков, выполненных с уверенным знанием животного, вполне пригодных для представления данного вида в тех или иных изданиях. И вдруг словно какой-то пролив — и ты, как это некогда произошло у русла засохшей реки с художником, сам встречаешь этого зверя. Рисунок оказывается окном в мир летяги, бурундука, волка, лисы... Речь идет вовсе не о фотографической точности, совсем нет. Поймана суть, ты словноходишь

в ритм общения художника со зверем, отраженный в рисунке.

Как это достигнуто — об этом лучше всего опять услышать от самого Вадима Моисеевича. Слова «встреча» и «общение» имели для него особенный смысл. «...Знаком-

В. М. Смирин. Рис. Анвара Керимова

ство с каждым новым зверем — это всегда сочетание узнавания знакомого и встречи с полной неожиданностью. А в целом встреча с каж-

дым животным, живущим на свободе или даже в клетке проявляющим свою естественную природу, — это всегда чудо. Поэтому, на мой взгляд, невозможно смотреть на живого зверя глазами потребителя».

За встречей следовало длительное изучение — общение, нередко длившееся неделями и месяцами, иногда — годами: «Внимательные наблюдения и зарисовки — своеобразный способ общения с живой природой, позволяющий проникнуть во многие тонкости ее жизни».

Такой подход требовал упорства, больших душевных и физических усилий. Елена Иванкина, сопровождавшая Вадима Моисеевича в его поездке на Дальний Восток, вспоминает, как в течение всего перелета он простоял в проходе самолета, мучимый приступом радикулита. Несмотря на это, в Сихотэ-Алинском и Лазовском заповедниках была создана одна из лучших серий рисунков Вадима Моисеевича, посвященных горалам.

В ходе длительного наблюдения за «цельными кусками жизни

животного», в процессе постоянных зарисовок Вадим Моисеевич достигал того высшего момента, когда знание и художественное видение, понимание позволяли уловить образ животного, постигнуть его как бы сразу и целиком:

«...Здесь важен не только приобретаемый опыт, но очень важно подстроиться к ритму жизни зверя. В этом случае получается необыкновенное ощущение общения с миром животного. Я никогда не забуду этого ощущения, когда в течение двух дней наблюдал выход моржей из моря на острове Аракамчечен (Чукотка). И подобные же ощущения я испытывал, наблюдая бурундуков в вивариях Звенигородской биостанции, и в зоопарке, наблюдая гепардов».

Это «необыкновенное ощущение» не было просто наитием, судьба даровала эти мгновения че-

ловеку, соединившему в себе мастерство разных профессий, выбравшему особую и не всегда посильную ношу.

Ученый или художник?

В жанре «официальной» биографии Вадима Моисеевича важно отметить, что родился он в 1931 году. В детстве срисовывал животных из многотомника Альфреда Брема, позже познакомился с книгами Э. Сетона-Томпсона и А. Н. Формозова и полюбил их на всю жизнь. Рисовать животных с натуры начал в эвакуации, в Ташкентском зоопарке. Тогда же он встретил своего первого учителя — Бориса Владимировича Пестинского, герпетолога и художника, который руководил изостудией в ташкентском Дворце пионеров. В 1943 году семья возвращается в Москву.

В. М. Смирин поступает в художе-

ственную школу, посещает кружок скульптуры при музее-квартире А. С. Голубкиной, ходит в знаменитый КЮБЗ времен П. П. Смолина (по воспоминаниям его однокашника тех лет, Григория Георгиевича Дервиза, Вадик любил наблюдать и рисовать животных в зоопарке, но «не кюбзился»). В художественной школе Вадим не доучился один год, так как ее выпускники не получали в те годы аттестата и поэтому могли поступать только в художественные вузы. Попав в десятый класс одной из лучших, но обычных школ, он с тоской вспоминал вольницу «художественной», ее школьное братство. В 1949 г. В. М. Смирин становится студентом биофака МГУ. Он с уважением вспоминал имена своих университетских учителей — А. Н. Формозова, В. Г. Гептнера, Н. П. Наумова, Г. П. Дементьева. Руководителем его дипломной работы, посвященной биологии копытных Кавказского заповедника, был А. Н. Формозов, ставший для Вадима настоящим учителем.

По окончании университета В. М. Смирин несколько лет работает в Казахстане, в системе противочумных учреждений. В 1963 году Вадим Моисеевич становится старшим научным сотрудником кафедры зоологии позвоночных биофака МГУ, на которой и работает до конца жизни. В 1967 году он успешно защищает диссертацию, посвященную структуре природных очагов чумы в Северных Кызылкумах. В 70–80-х гг. жизнь Вадима Моисеевича тесно связана со Звенигородской биостанцией. В специально построенных вольерах он изучает поведение мелких млекопитающих (летяг, бурундуков, пищух и других видов), постоянно их рисует, ведет практику у студентов. Параллельно с научными исследованиями Вадим Моисеевич активно занимается художественным творчеством.

Краткое, еще в детстве, знакомство с родоначальником российской анималистики Василием Алексеевичем Ватагиным переросло в многолетнюю дружбу. В 1951 году Вадим Моисеевич близко зна-

комится с ним и вплоть до смерти художника в 1969 году работает в его мастерской. В. А. Ватагина, как и А. Н. Формозова, В. М. Смирин считал главным из своих учителей. Василий Алексеевич научил его работать с твердым материалом в скульптуре, ввел в круг художников-анималистов (А. Н. Комаров, Д. В. Горлов, В. В. Трофимов и др.) и конечно же был для него образцом упорного труда и уважительного отношения к зверю: «Мастерская Ватагина была целым замечательным миром, созданным художником. Любовь к миру животных, любовь, основанная на тонком знании и понимании животного, — вот что определяло всю жизнь и все творчество Ватагина. В этой любви Ватагин был всегда предельно серьезен, в его отношении к животному не было места дешевому умилению, в котором есть всегда оттенок высокомерия. Красота животного в изображении Ватагина всегда доходит до торжественности» (Смирин, 1980).

Вадим Моисеевич постоянно рисует, создает скульптуры из кости, дерева, увлекается искусством силуэта. В 1975 г. выходит из печати справочник-определитель «Млекопитающие СССР» (Флинт, Чугунов, Смирин, 1975) с цветными таблицами всех видов фауны бывшего Советского Союза, созданными Вадимом Моисеевичем. Его рисунки появляются в изданиях Красной книги СССР и РСФСР, энциклопедии «Жизнь животных», в научных статьях и монографиях и т. п. Он участвует в выставках анималистов, становится членом Союза художников СССР.

Со второй половины 60-х гг. Вадим Моисеевич целеустремленно работает над воплощением грандиозного замысла — созданием атласа млекопитающих СССР на основе собственных натурных зарисовок. Собирая материал для будущей книги, он посещает Чукотку и Командоры, Белое море и Каспий, Приморский край и Кавказ. По мысли автора, это издание должно было вместить в себя портреты (выражение В. М. Смирин) 300

Из жизни сотрудников Звенигородской биостанции. В. М. Смирин и Е. В. Иванкина. Рис. Анвара Керимова

видов млекопитающих, а также детально представить в рисунках образ жизни и поведение нескольких десятков видов (особенности локомоции, позы во время сна, добывания и поедания пищи, при взаимодействиях с другими особями и т. п.). Этот атлас до сих пор не вышел в свет, а вариант издания ряда рисунков из него в томе «Звери» «Энциклопедии природы России» издательства ABF (Ротшильд, Динец, 1998), к сожалению, весьма далек от авторского замысла.

1989-й — год трагического ухода В. М. Смирин. А в 1990 г. вышла

подготовленная им вместе с братом, также зоологом и художником-анималистом Ю. М. Смириным, книга «Звери в природе» (только что в издательстве «Армада» вышло ее второе издание (2001), ранее, в 1999 г., вышел в свет английский перевод в Эдинбурге).

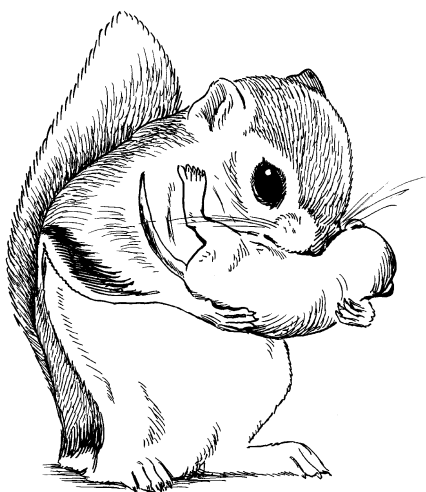
Важно подчеркнуть, что Вадим Моисеевич находился как бы на пересечении сразу нескольких русел серьезных научных исследований: экологических работ формозовской школы, широкомасштабных полевых исследований, проводив-

шихся под руководством Н. П. Наумова, фундаментальных этологических исследований, осуществлявшихся группой М. Е. Гольцмана. В то же время, как уже было отмечено, он хорошо был знаком с активно работающими российскими мастерами анималистического жанра. Был еще один круг, влияние которого на творчество В. М. Смирин еще

Здесь и далее подписи В. М. Смирин к рисункам неизданной монографии о летяге. «Перед тем как унести детеныша в гнездо, самка-мать, держа детеныша за край перепонки зубами, сжимает его передними лапами с разных сторон, заставляя его свернуться клубочком и замереть»

предстоит изучить. Это круг близких, друзей, учеников В. А. Фаворского, в котором каким-то удивительным образом была удержана и сохранена творческая атмосфера и мощь русской культуры первой трети XX века. С Владимиром Андреевичем Фаворским — выдающимся художником, педагогом (ректором знаменитого ВХУТЕМАСа 20-х), мыслителем — В. М. Смирин был знаком лично. Такова внешняя канва жизни В. М. Смирин.

Но за этой официальной стороной есть и другая, драматическая. Одна из статей о его творчестве уже своим заголовком указывает на это (Смирин Ю. М., Смирин Э. М. Памяти В. М. Смирин. Ученый или художник? (К 65-летию со дня рождения) // Зоол. журн. 1996. Т. 75, вып. 8. С. 1278—1279).

В среде коллег-зоологов снисходительное отношение к рисуящему зоологу было нередким. Одним из самых тяжелых испытаний для Вадима Моисеевича, надолго выведшим его из равновесия, была переаттестация на кафедре. Серии уникальных зарисовок не были серьезным аргументом для руководства кафедры в последние годы. Сообщество художников тоже далеко не всегда серьезно смотрело на человека, не закончившего даже художественную школу. Думаю, дело еще и в том, что в масштаб и суть напряженных поисков Вадима Моисеевича по-настоящему глубоко были посвящены немногие, да и сложившиеся стереотипы восприятия мешали увидеть то, что не укладывалось в принятую сетку координат, сложившуюся типологию профессионально-корпоративных сословий.

В книге «Звери в природе», вспоминая своего учителя А. Н. Формозова, Вадим Моисеевич писал о том раздвоении, с которым сталкивались не только Формозов, но и Ватагин, и конечно же, он сам:

«Каждое занятие, если относиться к нему серьезно, требует слишком много времени и сил, чтобы их легко было совмещать. А. Н. Формозов говорил не раз: «Нельзя

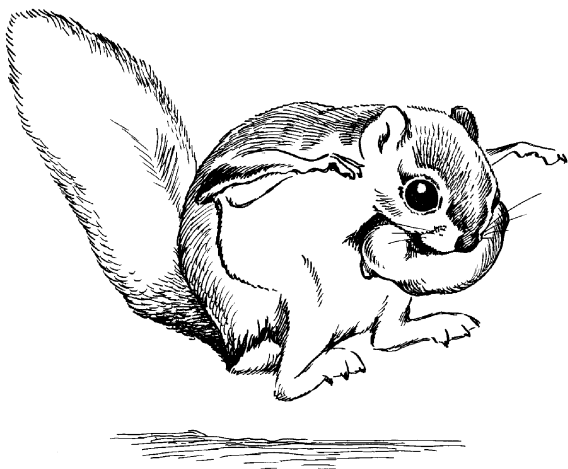
молиться двум богам». Его тоже всю жизнь преследовало это раздвоение. Но я бы никогда не сказал, что А. Н. Формозов «молился двум богам»: у него был единственный бог — живая природа. Просто способы работы А. Н. Формозова отличались от тех, что были у большинства людей — как художников, так и зоологов. А всему, что отличается от традиционного, трудно найти место. Отсюда и возникла проблема «раздвоения».

Тема «раздвоения» — серьезный, если хотите, тест для нас самих — и пишущего, и читающих эту статью: способны ли мы, стремясь осмыслить опыт В. М. Смирин, его учителей, преодолеть это раздвоение? Насколько глубоко мы готовы вступить в права наследования натуралистических традиций?

Если мы по-прежнему останемся в состоянии, когда один глаз будет видеть в В. М. Смирине зоолога, пусть даже хорошо рисующего, а другой — художника, изображающего животных, то мы никогда не разовьем в себе способность бинокулярного зрения. Цель статьи — поставить вопросы, с этим связанные и во многом остающиеся открытыми и для ее автора.

«Древо жизни» Вадима Моисеевича Смирин

«Он был не просто титан в работе...» — вскользь заметил М. Е. Гольцман на заседании МОИП в 1990 г., посвященном памяти В. М. Смирин. О титаническом труде свидетельствуют и объем архива (более 4000 листов с рисунками и акварелями животных!), и сложность замысла атласа. Но за тем и другим, с моей точки зрения, стоит титаническая работа совсем иного плана, которая и делала возможным в том числе построение грандиозного здания атласа. Это работа натуралиста, обеспокоенного разрывом научного и художественного методов познания природы в деятельности человека и стремящегося осуществить их синтез в собственном творчестве. При этом явно или неявно своей деятельностью В. М.

«Летяга спрыгивает с дуплянки на землю, неся детеныша. Зверек приземляется на задние лапки. Передние лапы приподняты и лопасти перепонки чуть расправлены»

Смирин ставил под вопрос сами рамки господствующего формального описания и анализа в науке, плодотворность внешнего декоративного подхода к изображению животного в ряде течений анималистики.

Работая над этой статьей, я с удивлением обнаружил, что поиски гармонии, которым Вадим Моисеевич посвятил всю жизнь, созвучны поискам и размышлениям человека, творчество которого кажется прямо противоположным тому, над чем работал В. М. Смирин.

В одной из своих книг выдающийся скульптор, мыслитель Эрнст Неизвестный пишет, что художественная деятельность бывает двух типов: в основе одного из них лежит стремление к шедевр, в основе другого — к потоку:

«Первое — это когда художник воплощает определенную концепцию прекрасного в законченный, емкий шедевр. Стремление к потоку — это экзистенциальная потребность в творчестве, когда оно становится аналогичным дыханию, биению сердца, работе всей личности. Такие художники обычно порождают массовую продукцию. Я не говорю сейчас об уровнях таланта: есть посредственные художники

шедевра и великие художники потока, и наоборот. В качестве примера: Флобер — литератор шедевра, Бальзак — литератор потока, Тургенев — литератор шедевра, Достоевский — литератор потока, Микеланджело, Ван Гог, Рубенс и Делакруа — в высшей степени художники потока.

Художникам потока необходимо привести их поток в систему, направив его в определенное, сжатое русло. Таким образом обеспечивается равновесие между центробеж-

ными и центростремительными силами. Один лишь план «Божественной комедии», который, по словам Пушкина, уже есть гениальное произведение, нужен был Данте для того, чтобы его совершенно не-

роятный динамизм, его плодovitость не разорвали бы его на куски. Именно такой мощный внутренний напор порождает стремление к самодисциплине и самоограничению. Художникам шедевра в принципе это не нужно, потому что они ограничивают свои усилия самим предметом» (Эрнст Неизвестный об искусстве, литературе и философии. М., 1992, с. 120).

Сам Неизвестный относит себя к художникам потока. Собирательной формой для него стал монумент творчеству человека в науке, искусстве и технологии — «Древо жизни», образ явившийся ему в один из самых тяжелых моментов жизни. В нем он увидел воплощение того синтеза, к которому стремился.

Вадим Моисеевич Смирин несомненно оказывается, с этой точки зрения, художником потока. Он стремится познать, раскрыть пластику того или иного зверя в потоке, создавая не отдельный рисунок, а их серию — «анималистический фильм», по удачному выражению М. Е. Гольцмана. Разные стороны

«Детеныши, недавно начавшие выходить из дуплянки, пытаются отнимать у матери корм»

своего таланта, творческого дара он также видит в единстве, в пересечении подобных потоков:

«Мне всегда очень помогала работа в скульптуре. Все эти вещи — наблюдения, зарисовки, скульптуру — не могу в себе разорвать. Они составляют для меня единый процесс проникновения в мир животных».

Пожалуй, одно из самых выразительных описаний продуктивного сочетания «научного» и «художественного» потоков в деятельности В. М. Смирин дал В. С. Шишкин:

«Надо ли говорить, как важно в исследованиях подобного рода (экологических и этологических. — А.О.) умение рисовать животных, причем именно с натуры, в естественной обстановке... Нам кажется, что именно при длительном наблюдении и рисовании происходило постепенное включение наблюдателя в сферу взаимодействия с объектом исследования, когда у зверя гасли проявления тревоги и агрессивности. А художник-исследователь после первичной ориентировки и поиска изобразительного решения уже мог сконцентрироваться на достижении выразительности рисунка, предугадывании мотивов поведенческих актов животного и их не просто адекватном отображении, а создании произведения искусства» (Шишкин, 1990).

Испытывал ли Вадим Моисеевич потребность в собственном «Древе жизни», которое собрал бы в единое целое его творчество (что необходимо, по мысли Эрнста Неизвестного, художнику потока)?

Не только испытывал, но и осязательно стремился к той форме, в которой его видение мира природы, отношение к зверю наиболее органично было бы воплощено в скульптуре. По воспоминаниям Н. Г. Овсянникова, Вадим Моисеевич говорил, что у каждого исследователя помимо публикаций должно быть какое-то стержневое дело в жизни. С этой точки зрения у В. Г.

Гептнера главный труд — «Млекопитающие Советского Союза», а у А. Н. Формозова при всей его талантливости сложилось так, что такого основного труда, по мнению Вадима Моисеевича, не было.

Для Вадима Моисеевича таким стержневым делом стала работа над атласом. Но полностью ли могло быть воплощено «дерево жизни» в выбранной форме? Не оказалась ли при этом в тени другая, столь же значимая грань его творчества?

Символично, что единственной подготовленной к изданию книгой Вадима Моисеевича стала книга очерков о жизни животных — «Звери в природе», в которой, как я уже отмечал, продолжают традиции Э. Сетон-Томпсона и А. Н. Формозова. В. М. Смирин пишет, что родилась эта книга из материалов работы над атласом. Но, возможно, именно эта форма позволила бы ее автору выйти на следующий уровень своего творчества, передать наиболее емко и полно свою любовь к зверю — частице дикой природы, глубокое понимание его и уважение к нему. Не будем гадать, важнее, что заданный вопрос обращен уже к нам самим: а что значит наследие Вадима Моисеевича сейчас, как открыть его заново? В архиве сохранился сценарий телепередачи о грызунах для школьников, подготовленный В. М. Смириним. Замысел издания книг для школьников с его рисунками тоже пока не реализован.

Высказывания Вадима Моисеевича о книгах своего учителя, А. Н. Формозова, вполне могут быть отнесены и к его собственному труду «Звери в природе»: «Эта книга — уникальное произведение, в котором соединилось все: талант исследователя, натуралиста, мастерство художника, литературное дарование». «...По ее страницам движешься, как по лесу, где на каждом шагу открывается новое и неожиданное» (Смирин, 1975).

Возможно, если бы обстоятельства позволили — и сам атлас обрел бы некоторые черты той органической книги, о которой мечтал В. М. Смирин. Размышляя об этом,

особенно остро начинаешь понимать, какая внутренняя драма, рожденная компромиссом с самим собой, была связана у Вадима Моисеевича с продвижением этого замысла. Рассказав заведующему кафедрой зоологии позвоночных, академику В. Е. Соколову, о желании подготовить и издать атлас, он в ответ услышал, что с текстом академик справится сам...

Задача синтеза науки, искусства и технологии, которую ставит в своем творчестве Эрнст Неизвестный, как это ни парадоксально, срабатывает, точнее может сработать и в случае нашего обращения к наследию Вадима Моисеевича. О синтезе научного и художественного способов познания уже шла речь, а что есть технология натурализма? Если вспомнить, что древние под словом «технэ» понимали искусство, мастерство, умение, то с этой точки зрения Вадим Моисеевич ставит наш глаз, помогает «встретить» зверя, научиться понимать его мир. Он размышляет над самым способом такого проникновения и дает замечательные его образцы. Но эту часть наследия В. М. Смирин еще предстоит заново осмыслить и воплотить в тех или иных изданиях. Основы этого подхода заложены в упоминавшихся выше работах. Здесь мы вновь подходим к проблеме отечественных натуралистических традиций и очень странному на первый взгляд вопросу: а возможны ли «учебники», вводящие в высшие образцы подобного мастерства (тема введения учащихся в высшие образцы творчества — одна из самых интригующих и перспективных в современной образовательной теории и практике)? Не только возможны — они есть. Вспомните «Спутник слепопыта» А. Н. Формозова, на котором воспитывалось несколько поколений, «Изображение животного» В. А. Ватагина. В этих книгах размышления о природе, собственном поиске и жизненном пути (у В. А. Ватагина) соединились с конкретными введением в мастерство, описанием тех или иных методов работы.

«УМНОЕ ЗРЕНИЕ»

Говоря о проблеме культурного синтеза, сверхзадаче, которую осознанно ставил перед собой В. М. Смирин (собственно, это было важно для него не само по себе, а для преодоления нашего постоянно закрепляемого сложившимися стереотипами раздвоения в восприятии мира животных), нельзя не упомянуть и еще более широкий контекст. Г. Н. Симкин подчеркивал, что Вадим Моисеевич в своем творчестве соприкасался с российской культурой начала XX века (работа в кружке при музее-мастерской А. С. Голубкиной в детстве, многолетнее общение с В. А. Ватагиным, знакомство с В. А. Фаворским и его окружением), а ведь проблема синтеза — одна из центральных для мыслителей этого периода.

«Умозрение в красках» — эти слова Е. Н. Трубецкого, определяющие одну из важнейших, стержневых особенностей отечественной культуры, также родились в начале века. Так была охарактеризована открытая заново в общественном сознании древнерусская иконопись — не как неправильное, нарушающее законы возрожденческой прямой перспективы, но как закрепленное в красках иное мировоззрение — «умное зрение». Но ведь и работы В. А. Ватагина, А. Н. Формозова, В. М. Смирин не только документальны, зоологически точны — это не что иное, как «умозрение» мира живой природы, мира животных в масле, туши, карандаше и акварели (поставьте рядом с их работами иллюстрации художника, вчера рисовавшего трактор, а сегодня — белку или волка, и вы поймете, в чем разница). Дефицит такого «умозрения», как и утрату гармонии в современном мире, резко ощущал Вадим Моисеевич, стремясь восполнить их всем, чем мог, не только создавая серии портретов любимых (а они все были любимыми) животных, но и разрисовывая печки и стены домиков Звенигородской биостанции, лаская в руках рождавшуюся из кости фи-

гурку моржа или дамское колечко с присевшей на него пищухой.

На заседании МОИП, посвященном памяти В. М. Смирин, М. Е. Гольцман отметил, что «для Вадима Моисеевича зоология была средой его обитания, а не работой. И трагедия его отражает трагедию

ления — огромная потеря для науки. В своей работе ученые этой школы имеют дело со складывающимся у них образом животного. Но эти знания трудно формализуются и поэтому могут передаваться только при устном общении. Это определенная культура науки, тра-

Волк. 3/X—74 г.

нашей зоологии. Вадим Моисеевич был учеником Формозова. Школа Формозова — это понимание животного мира не по отдельным признакам, а через образное восприятие. Утеря этого способа мыш-

ления которой сейчас почти разрушена. Эта проблема осложняла жизнь и Вадима Моисеевича» (цит. по записи Е. В. Зубчаниновой. — А.О.).

С моей точки зрения, высказанную мысль хорошо отражает кри-

зис натуралистической традиции (анималистика — лишь одна из ее составляющих), во время которого творил Вадим Моисеевич Смирин. Кем же оказывается он? Последним из могикан уходящей старой доброй традиции (пусть не обоз, но уже и не авангард естественных наук) или «редким образцом ученого нового типа» (В. С. Шишкин)?

В диагнозе, данном Михаилом Ефимовичем Гольцманом, снова фигурируют те самые слова, столь дорогие Вадиму Моисеевичу, — общение, понимание, а еще — мышление. Величайшей ценностью натуралистической традиции оказывается не столько готовый результат (хотя и он тоже, конечно), сколько тот тип мышления, который передается из уст в уста, при непосредственном общении. Но только ли из уст в уста? А книги, а рисунки, фильмы?

И вот тут возникают вопросы, которые мы можем обратить только к себе самим: насколько мы готовы воспринять, наследовать эти формы мышления и видения (а не только их готовые результаты, ценность которых бесспорна)? Какие новые формы обращения к ним сейчас возможны? Каково их место и есть ли оно в эпоху упоенности экологической глобализацией, когда радость встречи со зверем в при-

роде и попытка его понять могут показаться сентиментальным излишеством?

«Древо жизни» Вадима Моисеевича Смирин — фрагмент еще более мощного и ветвистого генеалогического древа натуралистических традиций. Если мы лишь отдыхаем в его тени, то вряд ли сможем вступить в права наследования той сверхзадачи, которую ставил перед собой В. М. Смирин.

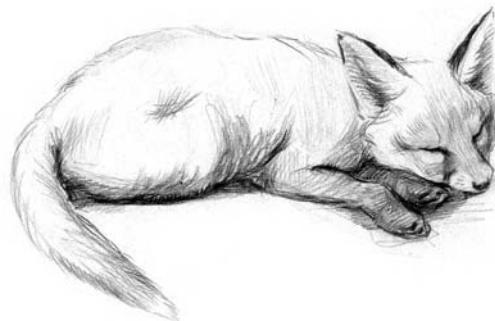
«Я помню самые первые в моей жизни наблюдения в природе за диким зверем. Этим зверем была водяная крыса на Мелеевском овраге в окрестностях Звенигородской биостанции университета, а я был студентом первого курса. Уединенный ругей в глухом лесу с нависающими над водой деревьями был как-то замкнутым миром, и в нем жил осторожный и хозяйственный зверек, все время занятый таинственной и красивой деятельностью. Вот он ушел в заросли на берегу. Появившись оттуда, он проплыл по тихой заводи под замишелыми корягами, волога за собой роскошный лист таволги. Я потуживал себя живущим совсем в другом мире. А тут еще появились две куторы (водяные землеройки) и стали плавать и нырять совсем рядом со мной. Редкие тихие всплески от плавающих зверьков звучали, как музыка. (...)

Поистине неистерпаем мир природы, и нет на свете более сильного ощущения, чем от встречи с диким зверем, живущим своей жизнью в своей стихии».

Автор статьи глубоко признателен за предоставленные материалы и помощь в работе Е. В. Зубчаниновой, Ю. М. Смирину, Э. М. Смиринной, Н. Г. Овсянникову, А. Б. Керимову, Е. В. Иванкиной, А. Д. Бернштейн, Г. Г. Дербизу, Н. А. Формозову, Т. Ю. Лисицыной, В. А. Горбатову и многим другим коллегам и друзьям В. М. Смирин.

ЛИТЕРАТУРА:

- Смирин В. М. А. Н. Формозов — натуралист-художник. — Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1975. Т. 80, вып. 1. С. 25—30.
- Смирин В. М. В мастерской В. А. Ватагина//Ватагин В. А. Воспоминания. Записки анималиста. Статьи. — М.: Советский художник, 1980. — С. 162—163.
- Смирин Ю. М. Зоолог и художник Владимир Смирин//Степной бюллетень. 2000. № 8. С. 56—57.
- Смирин Ю. М. Владимир Моисеевич Смирин (1931—1989)// Московские териологи (в печати).
- Шишкин В. С. Памяти Владимира Моисеевича Смирин (1931—1989). — Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1990. Т. 95, вып. 6. — С. 124—127.

«НЕИЗВЕСТНЫЙ» ЗАПОВЕДНИК

И. Вахромеев,

Ковровская государственная технологическая академия

У каждого заповедника, как и у человека, — своя судьба. У одних она оказалась долгой и более или менее удачливой, у других — наоборот. Некоторые заповедники, как солдаты, выполнив свой долг, были вычеркнуты из списка «живых» и остались за чертой человеческой памяти, став для потомков Неизвестными. Такая участь постигла и Клязьминский государственный выхухольный заповедник. В его судьбе, как в зеркале, очень отчетливо отразилась часть истории отечественного заповедного дела со всеми трагическими поворотами и событиями.

К сожалению, в научной и научно-популярной литературе, посвященной проблемам заповедного дела, содержится очень мало сведений о заповедниках, существовавших до 1951 года. Трудно сказать, в чем здесь причина, возможно, она лежит даже вне поля науки и природоохранной деятельности, а связана с политическими аспектами. Не исключено, что замалчивание проблемы упраздненных заповедников порождено непризнанной ошибкой, или, как говорили в те времена, явным просчетом, допущенным руководством страны в отношении заповедного дела. Впрочем, гадать сейчас не имеет смысла.

Краткие отрывочные сведения о Клязьминском заповеднике можно почерпнуть лишь из нескольких изданий. Так, он упоминается в двух справочниках по заповедникам Советского Союза, (Макаров, 1940; Заповедники СССР, 1950), в «Справочнике путешественника и краеведа» (1950). Из специальной литературы проблемам научной работы на этой охраняемой территории был посвящен сборник науч-

ных трудов, подготовленный Клязьминским заповедником (Труды Клязьминского государственного заповедника, (1939), и одна публикация в «Известиях Ивановского сельхозинститута» от 1947 г. (Шалыганова, 1947). Некоторые итоги деятельности работы заповедника были подведены в сборнике, издаваемом Главным управлением по заповедникам РСФСР (Научно-методические записки, 1948).

Из более поздних изданий отрывочные сведения о заповеднике приводятся еще в нескольких научных работах, художественных и публицистических произведениях¹.

Своим возникновением Клязьминский госзаповедник был обязан небольшому своеобразному зверьку — русской выхухоли, ради сохранения которой и была создана эта особо охраняемая природная территория.

Чтобы предотвратить исчезновение выхухоли как биологического вида, в советский период были предприняты экстренные меры. Для восстановления численности в 30-е гг. создается сеть специализированных заповедников. Одним из них стал Клязьминский государственный выхухольный заповедник, разместившийся в пойме среднего течения р. Клязьмы на территориях Ковровского, Холуйского и Южского районов Ивановской области.

История Клязьминского заповедника начинается с постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10.02.35 г. Согласно этому постановлению предписывалось организовать в различных областях Российской Федерации, в дополнение к уже существующим 40 заповедникам, еще целую группу, в которую

вошел и Клязьминский выхухольный.

В местах, где разместился заповедник, еще с доисторических времен обитала выхухоль и ее «экологический сосед» — бобр. Однако уже в XIX в. бобр здесь был полностью истреблен. Та же участь ожидала и выхухоль, если бы не появился Клязьминский заповедник.

Он протянулся в левобережной части поймы р. Клязьмы более чем на тридцать километров от русла р. Уводи до р. Тезы. Северная и южная границы проходили соответственно по границе первой надпойменной террасы и руслу Клязьмы. В среднем ширина заповедника составляла всего 2—3 км.

Весь этот участок левобережной поймы изобилует озерами, болотами, старицами и труднопроходимыми лесами. В то же время эта территория с давних пор подвергалась хозяйственному освоению человеком. Местных крестьян здесь прежде всего привлекали богатые заливные сенокосные луга. Во многом именно этот фактор сыграл негативную роль в деятельности заповедника.

В задачу заповедника входило: «а) охрана выхухоли и учет ее запасов; б) изучение гидробиологического режима р. Клязьмы; в) отыскание способов и выработка биотехнических мероприятий, способствующих быстрому восстановлению выхухоли; г) выработка способов рационального использования пойменных водоемов для рыбного хозяйства без вреда для выхухоли; д) изучение природных комплексов поймы р. Клязьмы в целях разрешения задач обогащения ее флоры, введения в нее новых видов и более рационального использова-

¹ Васильев В. Н. Водяной орех и перспективы его культуры в СССР. — М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. — 100 с.; Хахин Г.В., Иванов А. А. Выхухоль. — М.: Агропромиздат, 1990. — 191 с.; Ларин С., Никитин С. Меж лесных берегов. — Ярославль: Верхне-Волжское кн. издательство, 1989. — 176 с.

ния»². В последующие годы в задачи заповедника вносились коррективы.

Многие факты говорят о непродуманной организации заповедника, непоследовательной политике, проводившейся по отношению к нему. Все это послужило причиной многолетних тяжб руководства заповедника с землепользователями, чьи земли отошли или примыкали к заповеднику. Практически в каждом отчете о работе в первые годы, отправляемом в Москву, присутствовали строки о необходимости скорейшего проведения землеустройства. К сожалению, землеустройство затянулось на многие годы. Некоторые участки этой охраняемой территории неоднократно переходили из рук в руки. Особенно жаркие споры велись об охранных зонах вокруг пойменных водоемов, предназначенных для защиты нор выхухоли от беспокойства человеком и домашними животными (в некоторых частях заповедника был разрешен выпас). Землепользователи никак не могли смириться с потерей этих угодий. Все это, конечно, негативным образом сказывалось на главной функции заповедника – охране выхухоли, природного ландшафта, местной флоры и фауны.

На многие противоречия, связанные с организацией заповедника, указывал его первый директор (с 1935 по 1937 гг.) Николай Дмитриевич Градусов. В своем обращении в Комитет по заповедникам при СНК РСФСР он отмечал: «Государственный Клязьминский заповедник имеет ряд существенных принципиальных отличий от большинства заповедников...

Заповедник организован среди густонаселенных территорий... на угодьях давно подвергающихся энергичной сельскохозяйственной эксплуатации...

Организация Клязьминского заповедника включает в себя крайне тяжелое внутреннее противоре-

чие. С одной стороны, условия заповедника требуют полного прекращения сенокосения... с другой — экономический и политический момент не позволяют этого».

Градусов предлагал два варианта исправления ситуации: либо переместить заповедник на территорию поймы восточнее р. Лух, либо объединить его с Окским заповедником, придав ему статус опытного участка. Трудно согласиться со всеми предложениями Градусова (если смотреть с сегодняшней точки зрения), однако здравый смысл в его рассуждениях был.

К сожалению, Комитет по заповедникам так и не смог выбрать что-то одно, или создать здесь действительно заповедник в истинном понимании этого слова, исключив всякую хозяйственную деятельность, или переместить его на другое место. Власти приняли компромиссный вариант: заповедник охраняет выхухоль, а прилегающие колхозы (с рядом ограничений) проводят на его территории сенокосы, выпас скота и т.п. Фактически это был режим заказника.

Такая ситуация была отнюдь не в пользу заповедника. Огромные усилия, особенно в первые годы, требовались от сотрудников заповедника для проведения природоохранной работы. Создание этой особо охраняемой природной территории не встретило понимания у местного руководства и населения. Местное население не хотело смириться с потерей личных сенокосных угодий, мест для охоты и рыбной ловли. Некоторые особенно враждебно настроенные против заповедника даже выдвинули лозунг: «Жать, где только можно, хохлятников!».

Понятно, что перед работниками заповедника практически с момента его создания кроме задачи по соблюдению заповедного режима встала и другая, не менее важная работа с местным населением.

На одном из заседаний ученого совета заповедника отмечалось, что «население не знает целей и задач заповедника и имеет ложные представления о нем; необходимо потребовать обязательных постановлений местных органов об охране выхухоли, рыбы, угодий, лесов и пр.». Такие постановления были приняты уже значительно позднее, в 1944 г. — Ивановским и в 1945 г. — Владимирским облисполкомами. В период же становления заповедника местные власти скорее наоборот — чинили всяческие препятствия в работе заповедника или, в лучшем случае, были безразличны к его нуждам.

Трудности, которые приходилось преодолевать сотрудникам заповедника в первое время, наглядно показывает история с постройкой его центральной усадьбы в селе Клязьминский городок. В начале строительства, в 1937 г., против директора Н. Д. Градусова и еще нескольких лиц прокуратурой г. Коврова (ближайшего к заповеднику более или менее крупного города) было возбуждено уголовное дело по обвинению в якобы самовольном захвате земель под строительство. Нетрудно предположить, чем закончилось бы подобное разбирательство в то время, но, к счастью, вмешался Комитет по заповедникам и уголовное дело прекратили.

Таким образом, первые годы существования заповедника были скорее периодом борьбы с наседавшими землепользователями, браконьерами и местным руководством, нежели за сохранение природы.

А ведь начинали с нуля. В июне 1935 г. сотрудников было всего четверо: директор, завхоз, научный сотрудник и сторож. Постепенно штат расширялся и к февралю 1936 г. насчитывал уже 10 человек, а еще через год — почти 20. К тому времени в заповеднике работали зоолог-охотовед, зоолог, геоботаник, лесничий, инструктор по выхухоли, наблюдатели (егеря),

² Здесь и ниже в кавычках цитируются документы по Клязьминскому государственному заповеднику, хранящиеся в Государственном Ковровском архиве. Точные ссылки на документы см. в статье: Вахромеев И. В. Клязьминский заповедник — малоизвестная страница истории Ковровского края // Рождественский сборник. Выпуск III. — Ковров: Издательство БЭСТ-В, 1996. — С. 67–75.

вспомогательный персонал. Постепенно росла и материальная база, появились дома, кордоны, постройки, необходимое оборудование и инвентарь.

За весь период существования заповедника состав его научных сотрудников, персонала охраны и вспомогательного персонала многократно менялся. Однако во все времена основой коллектива, его «костяком», был научный персонал. К сожалению, непостоянным было и руководство заповедника. За период с 1937-го по 1951 г. на посту директора или ВРИО директора побывали почти полтора десятка человек. Конечно, это не лучшим образом сказывалось на его работе.

Тем не менее, с каждым последующим годом заповедник все прочнее обосновывался в Клязьминском заречье. Несмотря на все трудности, связанные с его становлением, предвоенный период был наиболее плодотворным в научной работе. Кроме задач по охране животного и растительного мира сотрудники проводили научные исследования по многочисленным разнообразным темам. Например, на 1936 г. были запланированы научные исследования по физико-географическому описанию заповедника, описанию водоемов, размножению и питанию выхухоли, влиянию различных способов ловли рыбы на численность выхухоли. Помимо научных тем с 1936 г. начались фенологические наблюдения на территории заповедника («Летопись природы» и другие научные работы).

С каждым годом работы тематика научных исследований расши-

рялась, становилась всесторонней. Основное место занимало изучение биологии выхухоли, водоемов, в которых она обитала. В предвоенный период обширной была и ботаническая тематика. Должны были начаться углубленные зоологические, гидрологические и геологические исследования.

К 1938 г. заповедник превращается в местный научно-исследовательский центр. Через год в центральной усадьбе, с. Клязьминский городок, был организован музей природы, объединенный с научной библиотекой, насчитывавшей к тому времени уже более 1000 единиц хранения.

В заповеднике работало 23 человека (из них — 5 научных сотрудников). Штатное расписание предусматривало два научных отдела: биологический, состоящий из зоологической и ботанической групп, и гидрологический. В отделах были должности зоолога — зав. научной частью, зоолога-охотоведа, зоолога, ботаника, гидробиолога, рыбоведа, метеоролога, лаборантов, препараторов, заведующего музеем и библиотекой. Кроме научных сотрудников в штат входили инструкторы по лову выхухоли и рыбы, лесничий, старший наблюдатель, наблюдатели, рабочие.

Как уже отмечалось, фактически в предвоенный период вся научная работа в заповеднике проводилась по 2 направлениям: ботаническому (с 1937 г. ее проводил С. А. Стулов) и зоологическому (изучение выхухоли, которое проводилось группой ученых). Результаты этих исследований легли в основу 1-го

(к сожалению, и единственного) тома «Трудов Клязьминского заповедника», вышедшего в 1939 (1940) году.

Большим событием в жизни заповедника стало повторное заселение пойменных водоемов бобрами. В 1940 г.

в водоемы заповедника было выпущено 10 бобров, которые здесь успешно прижились. Спустя десять лет после этого события, в 1950 г., на территории заповедника насчитывалось уже более 200 особей. На сегодняшний день потомки тех «пионеров-бобров» успешно обосновались не только в прилегающих районах, но и областях.

Начало войны внесло существенные коррективы в деятельность и жизнь заповедника. В приказе начальника главка от 03.07.41 г. сообщалось: «В настоящий момент задаче защиты Родины обязательно должны быть подчинены работы каждого советского учреждения, в том числе и государственных заповедников.

На этом основании предлагается Вам перестроить все работы... под углом зрения выполнения таких мероприятий, которые направлены на оборону нашей Родины...».

Параллельно с перестройкой работы заповедник стал готовиться к возможной эвакуации, готовил карты и планы местности левобережной части поймы для передачи их в органы НКВД. Видимо, территорию заповедника наряду с соседними районами в случае неблагоприятного развития событий на фронте предполагалось использовать для ведения партизанской войны.

В годы войны состав сотрудников заповедника постоянно менялся. Изменилось и направление научных и хозяйственных работ: все они были переориентированы в той или иной степени на нужды фронта. Например, с 1942 г. началось изучение факторов, обуславливающих рыбную продуктивность пойменных водоемов, состав флоры долины р. Клязьмы с точки зрения хозяйственного использования растений и т.д. Сотрудники заповедника (в большинстве это были женщины) проводили заготовки лекарственных, пищевых и технических дикорастущих растений, в зимнее время вели борьбу с заморами рыбы. Кроме работы в заповеднике его сотрудники постоянно выезжали в прилегающие колхозы, где проводили политинформации.

Фото Н. Шпиленка, Г. Хахина

Одновременно с прикладными исследованиями не прекращались работы и по изучению выхухоли, ведение «Летописи природы», а в летнее время на территории заповедника проходили практику студенты МГУ.

Заключительный этап Великой Отечественной войны в жизни заповедника был ознаменован принятием Ивановским и Владимирским облисполкомами постановления об охране заповедника. Местная власть наконец-то признала необходимость этой особо охраняемой природной территории.

В послевоенный период обозначился заметный перелом в отношении к заповеднику и местного населения. Кроме принятия специальных постановлений по заповеднику, немалая заслуга в этом принадлежала и просветительской работе музея природы, созданного при заповеднике. С 1945 г. ежегодно музей посещало несколько десятков экскурсий, часть из которых сопровождалась выходом на природу. Естественно, что основными посетителями этого музея, располагавшегося в центральной усадьбе, были дети. Поэтому трудно переоценить ту воспитательную работу, которую проводил заповедник.

Большой популярностью пользовалась на Ковровской районной выставке экспозиция музея природы заповедника, посвященная вопросам изучения и охраны природы. За 3 месяца работы в 1947 г. ее посетило более 25 тыс. человек (цифра немалая и по нынешним меркам).

С упорядочением статуса заповедника, выходом специальных распоряжений по его охране на местном уровне наметилась тенденция к сокращению количества нарушений заповедного режима. Например, в 1947 г. было зарегистрировано 35 случаев нарушений (незаконная охота, самовольная порубка леса, выпас скота, сенокосы, лов рыбы и др.), в 1948 г. — 29 случаев, а в первом полугодии 1951 г. — всего 4 нарушения. Конечно, приведенные цифры весьма условно характеризуют работу заповедника,

поскольку это все же официальная статистика.

Вполне возможно, что природоохранная, научная и просветительская деятельность заповедника в последующем перешла бы на новый, еще более высокий уровень, однако его судьбе было дано сложиться по-другому...

10.09.51 г. СМ СССР издал печально известное постановление о прекращении деятельности на территории СССР большого количества государственных заповедников. Среди упраздняемых был и Клязьминский выхухольевый. Мотивировка — в связи с выполненной задачей (к слову, выхухоль на сегодняшний день занесена в Красную книгу и говорить о положительном решении проблемы восстановления численности этого млекопитающего не приходится).

Согласно предписанию Главного управления по заповедникам, территория Клязьминского заповедника, все постройки и сооружения передавались прилегающим колхозам и лесхозам, научное оборудование подлежало переправке в Дарвинский заповедник (Ярославская область), а рукописи и научные работы — в Управление по заповедникам. Библиотека и экспонаты музея передавались во Владимирский музей.

Владимирский музей по каким-то причинам отказался принять большую коллекцию чучел животных, поэтому они были оставлены в Ковровском городском музее, где некоторое время выставлялись. Позднее эта коллекция оказалась утраченной.

Если попытаться кратко подвести некоторые итоги деятельности Клязьминского государственного выхухольевого заповедника, то можно констатировать — его деятельность не была напрасной. Благодаря созданию Клязьминского и других выхухольевых и общих заповедников русская выхухоль не попала в список исчезнувших видов. Велика заслуга заповедника и в сохранении многих других видов животных и растений, всего пойменного ландшафта.

К 1951 г. заповедник представлял собой хорошо организованные природоохранное, научное и просветительское учреждение, охватывающее своей деятельностью Владимирскую и Ивановскую области.

За годы его существования было сделано много важных дел. В отчете за 1947 г. указывалось, что за двенадцатилетний период общее число научных исследований составило 254 названия. Эти работы были оформлены в виде статей, очерков, некоторые остались в рукописях, не утративших актуальность до сегодняшнего дня. Немалый интерес могли бы представлять фенологические наблюдения, проводимые заповедником в течение всей его деятельности с 1935 по 1951 гг., другие исследования.

За последующие 3,5 года их число возросло. Уже в послевоенные годы кроме изучения биологии выхухоли были проведены работы по изучению и инвентаризации фауны клязьминской поймы, биологического разнообразия пойменных водоемов и многим другим темам.

За годы работы заповедника его сотрудниками был создан интересный музей, насчитывающий значительное количество экспонатов: более ста чучел млекопитающих, птиц, земноводных и пресмыкающихся, ихтиофауна, мир насекомых и растений долины р. Клязьмы. За пятнадцатилетний период была собрана библиотека — более 2500 томов научных изданий.

Несмотря на трудности, связанные с послевоенным периодом восстановления народного хозяйства, заповедник постоянно обновлял и улучшал материально-техническую базу. В перспективе помимо двух уже существующих кордонов должны были построить еще несколько, оснастив ими, таким образом, все участки территории (их было пять). Намечалась реконструкция музея, расширение его профиля — переход к естественно-историческим аспектам. Были задуманы и многие другие нововведения, направленные на улучшение работы

заповедника, углубление различных научных исследований.

Поэтому приходится только сожалеть, что весь уже накопленный значительный научный и методический потенциал заповедника, его опыт оказался буквально в одночасье «развеянным по ветру». Сегодня мы можем только предполагать, какой вред природе, да и не только природе, был нанесен упразднением Клязьминского заповедника.

Впрочем, история Клязьминского заповедника имеет свое продолжение. Спустя почти тридцать лет после его упразднения, в 1978 г.,

уже на более расширенной территории в Ивановской и Владимирской областях пришлось учредить республиканский боброво-выхухольный заказник, который продолжил дело, начатое заповедником в 1935 г. Местное же население по-прежнему называет эту территорию заповедником...

ЛИТЕРАТУРА

Макаров В.Н. Заповедники СССР. Сельхозгиз, 1940. — 158 с.
Заповедники СССР. М.: Географгиз, 1950. — Т. 1. — 455 с.

Справочник путешественника и краеведа. М.: Географгиз, 1950. — Т. 2. — 649 с.

Труды Клязьминского государственного заповедника. М., 1939. — Т. 1. — 153 с.

Шалыганова О.Н. Типы лугов по р.Клязьме в пределах Клязьминского государственного заповедника // Известия Ивановского сельскохозяйственного института. — Иваново, 1947. — Вып.6. — С. 1 — 17.
Научно-методические записки. М.: Изд. Гл. Упр. по заповедникам, 1948. — Вып. X. — 244 с.

Продолжение следует...

В 2000 г. Центр охраны дикой природы и Фонд национальных парков провели совместную акцию, целью которой было привлечение средств на организацию проекта по охране русской выхухоль — замечательного реликтового зверька, обитателя пойменных биотопов Восточной Европы. Необходимые средства были собраны, и с их помощью началось осуществление проекта «Сохраним русскую выхухоль!». Руководителем проекта стал сотрудник ВНИИ «Природа», кандидат биологических наук Геннадий Викторович Хахин, координатором проекта в ЦОДП — Владимир Кузнецов.

С самого начала проекта ЦОДП стремился как можно шире публиковать информацию о его целях, задачах, о том, как он проходит, и т. п. Так, во 2-м номере журнала «Охрана дикой природы» за 2001 г. вышла статья Г. В. Хахина «Ровесник мамонта», посвященная биологии и проблемам сохранения русской выхухоль. В следующем номере журнала было помещено письмо Генерального директора ЦОДП А. В. Зименко, в котором содержалась информация о проекте, а также призыв поддержать это начинание Центра. Статьи о проекте «Сохраним русскую выхухоль!» были опубликованы также в газетах «Природно-ресурсные Ведомости», «Спасение» и «Рыбак — Рыбака».

Мы начинаем получать первые отклики и пожертвования от наших друзей. В числе первых откликнувшихся на призыв сообщить информацию о состоянии популяций русской выхухоль в своем родном крае были сотрудники музея-заповедника им. М. А. Шолохова: Л. А. Севостьянова и Л. Т. Афанасьева, а также начальник отдела заповедного дела и сохранения биоразнообразия Государственного комитета Республики Башкортостан по охране окружающей среды Ф. Ф. Абдуллин, сообщившие нам весьма ценные сведения о состоянии вида в Ростовской области и Республике Башкортостан. Заинтересовались выхухолью также сотрудники музея-заповедника Ясная Поляна в Тульской области. Сейчас ведутся переговоры о выезде туда руководителя проекта для проведения оценки состояния популяции зверька на территории музея-заповедника. Интерес к проекту высказали и другие ООПТ — например, заповедник «Галичья гора» и национальный парк «Угра».

Среди тех, кто первым внес свой вклад в дело сохранения русской выхухоль, — Е. А. Шварц, Л. Ф. Абрамова, Е. В. Руденко, И. А. Лешуков, студенты ВПК-2 г. Владивостока, учащиеся и преподаватели школы №3 г. Вельска Архангельской области и другие. На сегодняшний день получено 9 переводов на сумму 1262 р.

Всем, кто откликнулся на наш призыв и принял участие в проекте «Сохраним русскую выхухоль!», мы говорим огромное спасибо!
Только вместе мы сможем сохранить этого уникального обитателя тихих речных заводей!

В. Кузнецов,
ЦОДП

СОХРАНИМ РАЗНООБРАЗИЕ РАСТЕНИЙ!

Ю. Кулешова,
Журнал «The Open country» (ЦОДП)

Г. Пронькина,
Департамент природных ресурсов по Центральному региону

23–28 июня 2001 г. в небольшом чешском городе Прухонице состоялась Третья Европейская конференция по охране дикорастущих растений (Planta Europa – Third European Conference on the Conservation of Wild Plants). В конференции приняли участие 159 человек из 38 стран.

Рlanta Europa — это международная сеть организаций, работающих в области охраны растений. Инициатор создания сети — британская неправительственная организация Plantlife International (формально Planta Europa является ее международной программой). Первая конференция Planta Europa состоялась в 1995 г. во Франции, вторая — в 1998 г. в Швеции при активной поддержке природоохранных агентств этих стран. Организаторы нынешней конференции — Planta Europa, Совет Европы и Агентство охраны природы Республики Чехия.

Основная цель нынешней конференции состояла в создании **Общеввропейской стратегии охраны растений** (Plant Conservation Strategy for Europe). Этот документ должен стать европейским вкладом в Глобальную стратегию по охране растений, принятие которой намечено в рамках следующей встречи сторон Конвенции по биологическому разнообразию (апрель 2002).

Необычным был процесс создания стратегии. Все участники заранее поделились на 5 рабочих групп, а именно: *исследования видов* (т.е. списки редких видов, таксономические проблемы); *практические действия по охране видов* (программы восстановления видов); *исследования ботанических территорий* (отбор ключевых ботанических территорий, исследования местообитаний); *практические действия по охране территорий* (Программы Natura 2000 и Emerald) и отдельно были вынесены все «сквозные» аспекты (образование, информация и т.д.). Каждая группа с помощью двух опытных ведущих формулировала свои задачи, которых в итоге набралось более пятидесяти. Кроме того, были определены ведущие организации, ответственные за дальнейшую работу по каждому из направлений. По окончании двух с половиной дней работы главный ведущий конференции Кристофер Имбоден (один из организаторов аналогичного процесса в Birdlife International) признался, что, по его убеждению, задача была невыполнима, однако результат превзошел даже оптимистические ожидания.

За два прошедших после конференции месяца секретариат проделал огромную работу по «сшиванию»

результатов «мозгового штурма» всех групп в единое целое и логическому изложению намеченных задач в контексте приоритетов и проблем. В конце августа черновой вариант стратегии (60 страниц) был разослан всем участникам для исправлений и комментариев. До того момента, когда стратегия будет представлена на утверждение, представителям сторон Конвенции предстоит пройти еще несколько этапов: представление сторонам Бернской конвенции (в октябре), представление для ознакомления и утверждения в SBSTTA — научно-технический комитет Конвенции по биоразнообразию (в ноябре), издание исправленного и дополненного текста Стратегии (январь 2002 г.).

Главная цель стратегии — остановить обеднение ботанического разнообразия дикорастущих растений в Европе.

Для достижения этой цели предполагается:

- 1) аккумулировать и распространять информацию о растениях Европы и их местообитаниях для улучшения их сохранности и устойчивого использования;
- 2) влиять на природоохранную политику и законодательство, международные соглашения, природопользование, а также на отношение людей и их поведение, касающееся растений и их местообитаний;
- 3) развивать и координировать человеческие и технические ресурсы, коммуникационные и информационные технологии для содействия охране и устойчивому использованию растений и их местообитаний.

Ниже приведено несколько примеров формулировок ожидаемых результатов (targets) из последнего варианта проекта стратегии:

создан и поддерживается отдельный веб-сайт для обмена информацией по проектам Красной книги растений Европы;

опубликована Красная книга Европы для сосудистых растений, пересмотренный список для мхов и печеночников и предварительные списки для лишайников, макромитозов и других выбранных групп растений;

доведены до стадии реализации пилотные трансграничные партнерские проекты, направленные

ные на восстановление по крайней мере пяти приоритетных видов растений;

в рамках сети *Planta Europa* создан механизм оказания помощи партнерам в защите уязвимых территорий, важных для охраны растений;

создан рабочий вариант списка всех известных видов растений Европы (включая споровые растения и грибы);

руководящие принципы комплексной (*in-situ* и *ex-situ*) охраны растений и примеры лучших проектов размещены в Интернете.

Одной из главных задач стратегии названо создание к 2007 г. кадастра Ключевых ботанических территорий Европы (*Important Plant Areas in Europe*). В этом направлении работа будет идти по образцу и подобию создания списка Ключевых орнитологических территорий, который впервые был издан в 1989 г., а его полная и детально проработанная версия была опубликована в 2000 г. в виде двух толстых томов.

Основная проблема при выделении ценных для охраны природы территорий по тому или иному признаку — это выбор критериев. На основе собственного опыта по созданию кадастра Ключевых ботанических территорий в Великобритании и интенсивных консультаций со специалистами из разных стран *Plantlife International* при поддержке Совета Европы разработала «Руководящие принципы по отбору ключевых ботанических территорий в Европе» (*Guidelines for the selection of Important Plant Areas in Europe*). Эта брошюра-руководство была роздана всем участникам конференции (**брошюру можно запросить в Секретариате по адресу: liz.radford@plantlife.org.uk**)

Отбор Ключевых ботанических территорий (КБТ; IPA) рекомендуется производить по трем основным признакам:

1) наличие глобально редких видов растений и видов, редких в пределах Европы (видов, включенных в Бернскую конвенцию);

2) исключительное ботаническое разнообразие;

3) наличие типов местообитаний глобальной и европейской значимости.

На основании этих трех критериев каждая страна может разработать свою детальную систему отбора КБТ.

Важнейшей задачей на ближайшие три года признано создание Европейской Красной книги, при работе над которой решено использовать критерии, разработанные IUCN.

Стоит отметить, что серьезной проблемой при работе над базой данных по охраняемым видам различных регионов Европы стало почти полное отсутствие данных с территории России и других стран бывшего СССР. В базу данных включены лишь немногочисленные издания региональных Красных книг, например Московской области. Даже самый предварительный анализ списков видов Европейской Красной книги, подготовленный к рассмотрению на заседании группы экспертов Совета Европы, показывает, что в эти спис-

ки не включены виды, эндемичные для России (в частности, кузинуя астраханская — *Cousinia astracanica* (Spreng) Tamamsch. и соссюрея уральская — *Saussurea uralensis* (Lipsch), и в то же время включены виды, не имеющие в России статуса редких видов (к примеру, толокнянка). Для большинства же видов характерно совпадение границ ареалов с границами СНГ, что, несомненно, свидетельствует о явной недостаточности профессиональных контактов и обмена информацией. Как и следовало ожидать, на конференции было отмечено, что создание Европейской Красной книги без участия России невозможно.

Особое внимание на конференции было уделено необходимости углубленных таксономических исследований ряда групп растений (как высших, так и низших). Определить, каких именно групп, должны специалисты названных конференцией ведущих организаций.

Кроме работы над стратегией было организовано пять параллельных тематических сессий по идущим и планируемым проектам. Их темы: Ключевые ботанические территории; микрорезерваты; Европейская Красная книга; низшие растения и грибы; программы восстановления растительности.

На конференции были утверждены правила вступления в *Planta Europa*. Подобно Всемирному Союзу охраны природы — МСОП, ее членами могут быть как государственные учреждения и их отделы, так и неправительственные организации. Размер вступительного взноса для организаций Центральной и Восточной Европы варьирует от 50 до 150 евро в зависимости от годового бюджета.

С грустью приходится констатировать, что до настоящего времени Россия и страны СНГ мало участвовали в инициативах *Planta Europa*. На нынешнюю встречу собирались приехать несколько российских ботаников, но с соблазнами полевого сезона смогли справиться только двое: Надежда Константинова (Полярно-альпийский ботанический сад РАН, Мурманск) и Галина Пронькина (Департамент природных ресурсов по Центральному региону, Москва).

Тем более отрадно, что во вновь избранный Координационный комитет (*Planta Europa Steering Committee*) впервые вошли представители Восточной Европы.

Невозможно не отметить очень высокий уровень подготовки и проведения встречи. За месяц до события всем участникам был выслан обзор по проблемам охраны растений в Европе (*European Plant Conservation Strategy: The Underlying Issues*), в котором был представлен краткий анализ состояния, проблем и первоочередных задач в охране растений на территории Европы. Заранее были также разосланы небольшие вопросники, в которых каждому участнику предлагалось высказать свое мнение о том, какие три направления деятельности (мероприятия) являются наиболее приоритетными на национальном уровне, для Европы в целом и сформулировать собственные

ожидания от конференции. Результаты обработки этих анкет были опубликованы уже в сборнике документов конференции, выданном каждому делегату при регистрации (!).

В заключение хочется сказать спасибо всем организаторам конференции за энтузиазм и огромную работу, которую они делали и продолжают делать в интересах растений Европы и людей, занимающихся их изучением и охраной. Хочется также надеяться, что и российские специалисты будут принимать посильное участие в происходящих процессах.

Итоги конференции (включая список представленных постеров), правила вступления в *Planta Europa*, руководство по отбору Ключевых ботанических территорий и прочую интересную информацию можно найти в Интернете: www.plantaeuropa.org

Электронная версия проекта Стратегии (пока только на английском языке) имеется в редакции Степного бюллетеня и может быть выслана по электронной почте.

Для КОНТАКТА:

Юлия Кулешова,
журнал «The Open Country».
117312, Москва, ул. Вавилова, 41, офис 2.
Факс: (095) 1247178;

E-mail: festuca@bcc.seu.ru

Галина Пронькина,

Департамент природных ресурсов по Центральному региону.

E-mail: pronkins@mtu-net.ru

ПАМЯТИ Н. Н. ВОРОНЦОВА

Е. Панов,

Институт проблем экологии и эволюции РАН

(Рецензия на сборник «Эволюция, экология, биоразнообразие».
Материалы конференции памяти Николая Николаевича Воронцова
(1934–2000) 26–27 декабря 2000 года. Сост. Е. А. Ляпунова.
Отв. ред. В. А. Красилов. — М.: Издат. отдел УНЦ ДО, 2001. — 297 с.)

Менее двух лет тому назад, 3 марта 2000 г., в возрасте 65 лет ушел от нас выдающийся биолог-эволюционист и общественный деятель Николай Николаевич Воронцов. По решению бюро секции биологии и экологии Российской Академии Естественных Наук, созданию и деятельности которой ученый отдал немало сил и душевной энергии, 26 и 27 декабря 2000 г. на биологическом факультете МГУ была проведена научно-мемориальная конференция, посвященная его памяти. Аудитория заседаний конференции собрала широкий круг сподвижников Н. Н. Воронцова, почитателей его таланта натуралиста и педагога, многочисленных учеников исследователя.

Благодаря энергии соратников Н. Н. Воронцова и в первую очередь его жены Е. А. Ляпуновой, менее чем через год вышли в свет материалы конференции. Это сборник большого формата объемом чуть менее 300 страниц. Книга включает в себя 5 разделов: Общие проблемы эволюционной теории (6 статей); Цитогенетика и кариосистематика (2); Популяционная генетика и механизмы видообразования (4); Экология и охрана природы (5); Наука и политика (2); Воспоминания (12). Книга завершается полным перечнем печатных работ Н. Н. Воронцова (586 названий), из которых 7 воспроизведены в соответствующих разделах сборника.

Этот солидный том подводит итог полувековой, в высшей степени многоплановой научной и общественной деятельности Н. Н. Воронцова в период с 1955 по 2000 год. Среди авторов статей присут-

ствуют яркие имена наиболее компетентных биологов России, работам которых обязан современный прогресс естествознания в нашей стране. Среди них необходимо назвать Ю. Ф. Богданова («Гомологичные ряды изменчивости признаков мейоза: эволюция и консерватизм»), М. Д. Голубовского («Век эволюционизма: о последней книге Н. Н. Воронцова»), И. С. Даревского («Естественная полиплоидия у некоторых видов скальных ящериц Кавказа и вероятное эволюционное значение этого феномена»; в соавторстве с Ф. Д. Даниэлян), В. А. Красилова («Микроэволюция и эволюционный синтез»), В. В. Малахова («Автотрофные животные в глубинах океана»), М. В. Мину («Натуралисты в рядах исследователей эволюции: разведчики или обоз?»), М. Г. Пименова («Что кариология может дать систематике высших растений»), А. В. Яблокова («Концепция здоровья среды — прорыв в природоохранительной биологии»). Особо стоит отметить в высшей степени информативные статьи, принадлежащие перу физиков, «примкнувших к биологии»: С. П. Капицы («Рост населения Земли как глобальная проблема эволюции человечества»), а также В. А. Твердислова, И. Л. Твердисловой и Л. В. Яковенко («Поверхностный слой мирового океана. Происхождение предшественников клеток»).

Уже этот неполный перечень заголовков статей позволяет легко представить себе, насколько широк охват тем, затронутых в сборнике. К сожалению, даже самый беглый обзор содержания упомянутых публикаций занял бы слишком много места. Важно, однако, под-

черкнуть, что, в какой бы сфере биологии ни лежали интересы читателя, он, вне всякого сомнения, найдет здесь для себя немало интересного и по-настоящему нового.

Вероятно, для читателей журнала особый интерес представляет раздел, связанный с проблемами охраны природы. Этой теме в книге отведено почти 50 страниц. Богатством фактического материала и глубиной аналитического подхода подкупает обширная статья Н. Н. Воронцова «Экологические кризисы в истории человечества» (14 с.). В этой работе рассказано об истреблении крупных млекопитающих охотниками позднего палеолита, об усилении охотничьего пресса в мезолите, о тех преобразованиях в численности народонаселения и в экосистемах, которые последовали за введением в практику людей животноводства и земледелия (т. наз. неолитическая революция). Рассмотрены процессы опустынивания ландшафтов в далеком прошлом, повлекшие за собой засоление почв в результате ирригации, к которой вынуждены были прибегать люди в ответ на указанные климатические изменения. Автор статьи обсуждает также антропогенные факторы формирования пустынь и причины возникновения природноочаговых и паразитарных заболеваний.

Важное место в статье занимает вопрос о росте численности людей и соответственно о прогрессирующем усилении антропогенного давления на фауну в первые периоды экспансии человечества из его африканской родины в умеренные зоны Старого Света. С этой темой перекликается упоминавшаяся уже фундаментальная работа С. П. Капицы о динамике роста населения

Земли в период между галечной культурой Олдувая (1,6 млн лет тому назад) и первыми веками третьего тысячелетия. Используемые методы демографического анализа в совокупности с математическим моделированием позволяют предположить, что к 2175 г. общая численность народонаселения планеты достигнет 12 млрд. человек. По словам автора статьи, уже сегодня быстро увеличивающиеся градиенты роста населения и экономического неравенства несут в себе разрушительный потенциал, угрожающий глобальной безопасности нашей планеты.

Еще одна реальная угроза будущему благополучию таится в гонке ядерных вооружений и в неотделимых от нее процессах радиационного загрязнения среды. К сожалению, многочисленные выступления Н.Н. Воронцова в печати против испытаний ядерного оружия, впервые предпринятые им еще в 1957 г., остаются достаточно актуальными

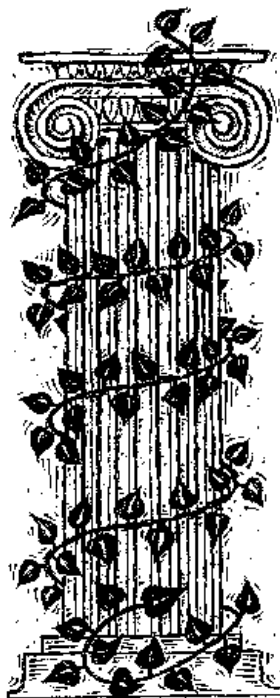
и по сей день. Последний раз ученый выступил на эту тему совсем недавно, в 2000 г. (обе публикации перепечатаны в сборнике). Опасность, исходящая от технологий «атомной эры», — далеко не единственная среди тех, что ставят под удар само существование биосферы, а заодно и человечества, нещадно эксплуатирующего ее. В статье «Новое мышление — мышление биосферное» (1990), которую читатель найдет в сборнике, Н. Н. Воронцов писал: «Должна быть сломлена психология многих людей, которые, руководствуясь вроде бы лучшими чувствами, на деле наносят огромный вред человечеству ради сиюминутной выгоды, — вот где лежит самая большая социальная, политическая коллизия... Сейчас живая природа — эта новая шагреньевая кожа — тает на наших глазах с катастрофической скоростью. А это значит, что нам предстоит сменить антропоцентрическое мышление на биосферное».

Не только необычайно плодотворным, но и богатым самыми неожиданными событиями был жизненный путь Н. Н. Воронцова. Как пишет в предисловии к сборнику его редактор В. А. Красилов: «В прогрессивные периоды развития общественной жизни Воронцов был востребован, в реакционные оставался не у дел». Проследить все этапы поистине удивительной биографии этого нашего выдающегося соотечественника читатель сможет, ознакомившись в последнем разделе книги с воспоминаниями его близких друзей, соратников по работе и учеников.

**По вопросам приобретения
сборника обращайтесь
по адресу:**

117334, Москва, ул. Вавилова,
д. 26.

Институт биологии развития
РАН. Группа цитогенетики.
E-mail: cytogenetic@proxima.idb.ac.ru

Вышли из печати

А. В. Веселовский, В. И. Микляев, А. Н. Платэ
Экологические проекты в России (каталог описаний проектов, выполненных на территории России при финансовой поддержке иностранных организаций). — М.: ИГЕМ РАН, 2000. — 396 с.

В книге рассматриваются состояние и тенденции развития экологических работ, выполненных по государственным проектам на территории России. Показано, что сведения о проектах, финансируемых иностранными и международными организациями, практически не попадают в государственную систему научно-технической информации.

С учетом опыта, полученного авторами при создании и эксплуатации аналитической и справочно-информационной системы «ЭкоПро», предложены методики и технологические решения проблемы информационного обеспечения, формирования и реализации большого количества проектов.

В базе данных собраны материалы по проектам, выполненным в течение последних 6 лет. Значительная часть книги представляет собой каталог названий экологических проектов на русском и английском языках и справочные таблицы распределения находящихся в базе данных проектов по донорам, исполнителям, географическому и административному положению.

Книга предназначена для широкого круга специалистов и научных работников, связанных с охраной природы и окружающей среды, инвесторов в области экологии, сотрудников государственных природно-ресурсных ведомств, разработчиков информационных систем и экологических проектов.

К книге приложен компакт-диск, содержащий полную версию системы «ЭкоПро», описания экологических проектов, картографическую среду и необходимые программные средства для автономной работы с «ЭкоПро» в режиме ГИС, а также используемые тематические рубрикаторы, словари и руководство для пользователя на русском и английском языках.

По вопросу получения книги обращайтесь в фонд РОЛЛ (Институт устойчивых сообществ):
Тел.: (095) 937-50-02
E-mail: iscmoscow@iscmoscow.ru

Методы полевого изучения и сохранения ирбиса/Под ред. Е. Н. Панова, А. Д. Пояркова, А. Е. Субботина. Пер. с англ. Е. Н. Панова. — М.: Изд. фирма «Туров», 2001. — 306 с.

Книга представляет собой разработку Международного фонда снежного барса (International Snow Leopard Trust, USA) по созданию единой стандартизированной методики сбора и первичной обработки данных о биологии ирбиса по всему ареалу, перекрывающему территории 13 центрально-азиатских стран.

Четкая стандартизация методик сбора информации в природе имеет ряд преимуществ — таких, как сопоставимость данных, полученных на разных участках ареала. Однако чрезмерная стандартизация таит в себе ряд серьезных опасностей, связанных как с недооценкой особенностей региона, так и с излишним упрощением исследовательских схем. Поэтому редакторы издания ввели в текст ряд дополнений:

— дополнение 1 посвящено основным видам жертв ирбиса на территории бывш. СССР (автор — Е. Н. Панов);

— дополнение 2 — «Следы ирбиса как основа его изучения» (авторы — Е. Н. Матюшкин и Е. П. Кошкарев);

— дополнение 3 «Потенциальные местообитания ирбиса на территории России» представляет собой пояснительную записку к одноименной карте (авторы — В. С. Лукаревский, А. Д. Поярков, А. Е. Субботин, Т. М. Маханова, А. А. Секнин);

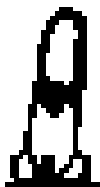
— дополнения 4 и 5 описывают возможности внедрения метода кинологической идентификации индивидуальных запахов при изучении ирбиса (авторы — К. Т. Сулимов, А. Д. Поярков).

Дополнения существенно обогащают книгу не только методически, но и тем, что опираются на опыт исследования территории России и бывшего СССР.

По вопросам приобретения книги обращаться по адресу:

117071, Москва, Ленинский пр-т, 33,
ИПЭЭ им. А. Н. Северцова,
Е. Н. Панову, А. Д. Пояркову, А. Е. Субботину.
Факс: (095) 954-55-34
E-mail: sevin@orc.ru

В этом году редакция решила определить лучшие публикации в журнале «Охрана дикой природы» за 1999–2001 гг. После долгих и горячих споров, поисков согласия и попыток сформировать общее мнение из противоречивых пристрастий членов редколлегии мы все-таки сделали свой выбор. И очень надеемся, что в следующем году эта нелегкая задача ляжет на плечи наших читателей. Ну а сегодня мы поздравляем наших первых лауреатов:

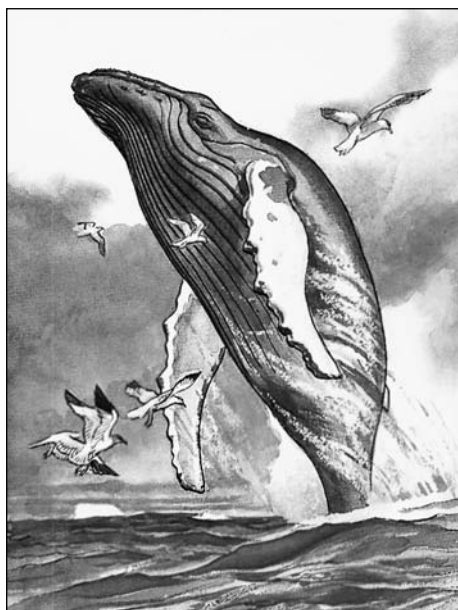

рис. В. А. Горбатова

Василий Спиридонов. «Китобойная драма: финал или новый акт?» (№ 2, 1999)

Александр Цетлин. «Будущее традиционного природопользования на Белом море: браконьерство или самоуправление ресурсами?» (№ 4, 2000)

фото А. Цетлина

Андрей Власов, Ольга Власова. «Возвращение степной гадюки» (№ 2, 2001)

фото А. Власова

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ» ЗА 2001 г.

Содержание журнала за 1999—2000 гг.	№1(20)
Содержание журнала за 2001 г.	№4(23)
Колонка редактора	№№2(21), 3(22), 4(23)
Вышли из печати	№№1(20), 2(21), 3(22), 4(23)

ПРИРОДНЫЕ СООБЩЕСТВА, ЭКОСИСТЕМЫ

Заповедная хроника Горного Алтая	№1(20)
<i>Н. Верещагин.</i> Об охране палеозоологических памятников четвертичного периода	№2(21)
<i>И. Лешуков.</i> Лес с большой буквы	№3(22)
<i>Г. Собанский.</i> Как живешь, Телецкое?	№3(22)

ОХРАНЯЕМЫЕ ВИДЫ

<i>А. Власов.</i> Возвращение степной гадюки	№2(21)
<i>Г. Хахин.</i> «Ровесник мамонта»	№2(21)
<i>В. Кирилюк, А. Луцкина.</i> Новогодние гости в России	№4(23)
<i>В. Кузнецов.</i> Продолжение следует... ..	№4(23)
<i>С. Шилова.</i> Казнить нельзя помиловать!	№4(23)

НАУКА НА ОХРАНЯЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

<i>К. Rogovin.</i> Еще раз о науке экологии и природоохранной науке	№1(20)
<i>М. Мина.</i> Натуралисты в рядах исследователей эволюции: разведчики или обоз?	№2(21)
<i>Е. Шварц.</i> Кто заказывал науку?	№2(21)
<i>Н. Малешин.</i> Начнем с себя	№3(22)
<i>Е. Черникин.</i> Соболь в моей жизни	№3(22)

К КОНЦЕПЦИЯМ ООПТ

<i>И. Вахромеев.</i> Историко-ландшафтные комплексы и экологический туризм	№2(21)
<i>Н. Моралева, Е. Ледовских.</i> Экологический туризм в России	№3(22)
<i>В. Чижова.</i> Туристы в заповеднике: как и сколько?	№3(22)
<i>Ф. Штильмарк.</i> Не перейти грань!	№3(22)
<i>В. Бриних.</i> О бедном заповеднике замолвите слово! (<i>еще раз об экотуризме</i>)	№4(23)

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ
И ПРИРОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ**

<i>Е. Королева.</i> Зеленая корона Эстонии	№1(20)
<i>М. Кулешова.</i> Культурный ландшафт — цивилизованный путь освоения пространства	№1(20)
<i>П. Боярский, М. Глазов.</i> Священный остров ненецкого народа	№3(22)

**ЭКОНОМИКА, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО,
ФИНАНСЫ, УПРАВЛЕНИЕ**

<i>С. Скляренко.</i> Продать, чтобы спасти	№3(22)
<i>Г. Титова.</i> Рента интеллектуальная и рента природная	№3(22)
<i>Е. Хабарова, Т. Кашенцева, В. Сидоренко, И. Кондакова.</i> Вернем ли стерха в небо?	№4(23)
<i>Д. Остергрен, С. Холленхорст.</i> Управление охраняемыми территориями России и США (<i>нагало</i>) ..	№4(23)

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

<i>Е. Кислов, Д. Шанаров.</i> Заказники Бурятии	№1(20)
<i>О. Листопад.</i> Лес и другие объекты СИТЕС	№2(21)
<i>М. Рубцова.</i> Экопоселение — альтернатива или... ..	№2(21)

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

К. Седых. 73 года с природой и музеями	№1(20)
Е. Яхонтов. «Усынови заказник!»	№2(21)
А. Вахрушев. Рассказы ППСа — нашим детям	№2(21)
Е. Власов. Кавказские «пленники»	№4(23)

ПРИРОДООХРАННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Центр охраны дикой природы в 2000 г.	№1(20)
К. Благосклонов. Теория и практика охраны природы в деятельности Дружины	№1(20)
С. Мухагев. Региональные дружины действуют вместе!	№1(20)
Манифест Движения дружин по охране природы	№1(20)
Ю. Кулешова, Г. Пронькина. Сохраним разнообразие растений!	№4(23)

ИСТОРИЯ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Ф. Штильмарк. Макаровская академия	№1(20)
Ф. Штильмарк. О судьбе Саянского заповедника	№2(21)
И. Вахромеев. «Неизвестный» заповедник	№4(23)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ (ПЕРСОНАЛИИ, ЗАПОВЕДНИКИ, ПРИРОДООХРАННОЕ ДВИЖЕНИЕ)

К. Авилова. Сорок лет под знаком мамонта	№1(20)
К. Авилова. «Счастье — это когда трава зеленая»	№1(20)
К. Авилова. Немного поэзии	№1(20)
Т. Варлыгина. Он Ботаником родился	№1(20)
Е. Краснова. Я — дружинница. Что стоит за этим признанием?	№1(20)
«Друзья, нам судьба повелела...»	№3(22)
Е. Панов. Заповедник в Уссурийской тайге	№3(22)
Е. Панов. Памяти Н. Н. Воронцова	№4(23)
А. Олексенко. Несмолкающая симфония жизни (к 70-летию В. М. Смирин)	№4(23)
Феликсу Робертовичу Штильмарку — 70 лет!	№4(23)

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Ю. Веденин. Россия в Списке Всемирного наследия	№2(21)
Б. Миркин. Феномен Николая Реймерса	№3(22)
А. Никольский. «Заповедники России (Заповедники СССР)»	№3(22)
Г. Титова. «Зеленые дивиденды» в России: взгляд со стороны	№3(22)

ПИШУТ ЧИТАТЕЛИ

А. Зобов. Некоторые размышления по поводу интервью министра природных ресурсов	№2(21)
И. Карабаинов, В. Неустроев. Результаты пристального чтения	№2(21)

УЛЫБНИТЕСЬ!

А. Кнышев. Правила поведения в заповеднике «Райская куца»	№2(21)
Прекрасной половине ЦОДП от мужчин-полеводов Лазовского заповедника с низким поклоном	№3(22)
С. Уманец. Кроншнеп	№3(22)